

СИМФЕРОПОЛЬСКАЯ И КРЫМСКАЯ ЕПАРХИЯ
УКРАИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА
КРЫМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. С.И. ГЕОРГИЕВСКОГО
МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Православие и медицина

ОСНОВАН В 2007 г.

3 (14) 2012 г.

Главный редактор
Митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь

Редакционная коллегия:
С.Г. Донич (зам. главного редактора),
А.С. Каневский (зам. главного редактора),
А.А. Бабанин (зам. главного редактора),
архимандрит Нектарий (Антонопулос), В.А. Белоглазов,
Н.Н. Каладзе, священник Василий Печевистый,
протодиакон Василий Марущак, И.В. Силуянова,
О.И. Стеблий, В.Ф. Шаблий, Т.А. Шевченко

Учредитель журнала:
Симферопольская и Крымская епархия УПЦ

Соучредители журнала:
Крымский государственный медицинский
университет им. С.И. Георгиевского
Министерство здравоохранения
Автономной Республики Крым

СОДЕРЖАНИЕ

<p>СЛУЖИТЕЛЬ ВИНОГРАДНИКА ХРИСТОВА. К 20-летию пребывания Митрополита Лазаря на Крымской кафедре</p> <p><i>А.А. Никитина.</i> Бог есть любовь!</p> <p>ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ</p> <p><i>Г.Э. Сухарева.</i> Свято-Введенский ставропигиальный монастырь Оптина пустынь. Впечатления паломника</p> <p>СЛОВО СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ</p> <p>О доме, построенном на камне и построенном на песке Благочестие глубоко изменяет людей</p> <p>ДУХОВНАЯ СОКОРОВИЩНИЦА</p> <p>Изречения святых отцов о болезни</p> <p>ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ</p> <p><i>Митрополит Сурожский АНТОНИЙ (Блум).</i> Вопрошание и сомнение</p> <p>СОВРЕМЕННИКИ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ</p> <p><i>Протоиерей Петр Пневский.</i></p>	<p>Келейник архиепископа Крымского Луки (Войно-Ясенецкого), Святителя и исповедника 37</p> <p>МИЛОСЕРДЦЫ</p> <p><i>В. Комиссарова.</i> Земский врач Мария Шлее-Люстих (1857 — после 1928) 40</p> <p><i>О.М. Бобкова.</i> Организация и деятельность сиротского дома тайного советника Фабра (1864—1920 гг.) 50</p> <p>ПАМЯТНАЯ ДАТА</p> <p><i>В.В. Ежов.</i> Крымские страницы профессора Боткина. 17 сентября исполняется 180 лет со дня рождения русского врача-терапевта Сергея Петровича Боткина (1832—1889) 60</p> <p>СВЯТЫЕ</p> <p><i>С. Мазаев.</i> Юродивые 64</p> <p>ВОПРОСЫ СВЯЩЕННИКУ</p> <p><i>Отвечает иеромонах Иов (Гумеров)</i> 66</p> <p>ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ</p> <p><i>Протоиерей Александр Бай.</i> С днём рождения, доктор! 68</p>
---	---

СЛУЖИТЕЛЬ ВИНОГРАДНИКА ХРИСТОВА

К 20-летию пребывания Митрополита Лазаря на Крымской кафедре

Необычайно труден путь архипастыря. В Церкви Божией епископское служение — самое высочайшее и в то же время необыкновенно сложное. Недаром великий святитель и вселенский учитель Иоанн Златоуст говорил: "Архиерей подвигается не менее тысячи мучеников"...

Двадцать лет — это много или мало? Двадцать лет для человека — это четверть жизни; за двадцать лет вырастает новое поколение, за этот, казалось бы, небольшой период времени происходят изменения в жизни государств. Двадцать лет назад на Крымскую кафедру был назначен ее 25-й правящий архиерей — архиепископ (ныне митрополит) Лазарь. Сегодня, спустя двадцатилетие, мы можем оглянуться назад, вспомнить и оценить плоды архиастырского служения.

Наверное, не будет преувеличением, если мы скажем, что Владыка Лазарь принял руководство Симферопольской и Крымской епархией в сложный исторический период. И, хотя в истории "простых" времен не бывает, 1992 год был действительно сложным по всем меркам. Он начался с экономической реформы на территории постсоветского пространства. И на этом депрессивном фоне еще страшнее и угрожающе выглядели и внутренние, и внешние события: раздел Черноморского флота, распад Югославии, югославская война...

Но среди этих событий в жизни Православной Церкви происходит поистине судьбоносное действие: 27 мая состоялся Харьковский Собор. Предстоятелем Украинской Православной Церкви, Митрополитом Киевским и всея Украины из-

бран Блаженнейший Владимир (Сабодан). Так Святая Церковь противостояла расколу.

А как жил в это время Крым православный? Что увидел Правящий Архиерей на своей новой кафедре? Обратимся к сухой статистике. Во время очередной атеистической волны в 1960-1962 годах в Крыму было закрыто около 50 православных приходов. На протяжении почти 20 лет на полуострове действовало только 14 православных храмов. На момент назначения Владыки Лазаря на Крымскую кафедру (июль 1992 года) на полуострове, включая г. Севастополь, было зарегистрировано всего лишь 48 православных общин, из которых только 30 были действующими. В епархии не было ни одного монастыря. Само епархиальное управление

ютилось в двух маленьких комнатах при Свято-Троицком соборе в г. Симферополе. За два предыдущих года до приезда Владыки Лазаря в Крым сменилось три правящих архиерея...

Для того, чтобы подробно рассказать о том, что было достигнуто Владыкой за два последних десятилетия, журнальных страниц не хватит. Ни одна сфера жизни Крыма не осталась без архиепископского внимания.

Видела ли крымская земля такой расцвет духовной жизни? Открыты десятки храмов, возрожденные и вновь построенные, и крымские обители, в том числе древние пещерные, куда устремляются десятки тысяч паломников. Медики, педагоги и православная молодежь объединились в Общества; в школах изучаются Основы православной культуры Крыма; в своем историческом здании вновь открылась Таврическая духовная семинария, где учатся будущие пастыри — помощники Владыки. За эти годы в сонме небесных молитвенников и ходатаем просияли новые имена: причислены к лику святых Святитель Лука (В.Ф. Войно-Ясенецкий), Крымские новомученики, преподобномученик Парфений Кизилташский, Святитель Гурий (Карпов) и игумения Топловского монастыря Параскева (Родимцева). Всекрымская святыня — чудесно обновленная икона Божией Матери "Скорбящая" — осеняет своей благодатью наш полуостров. А мир и добрососедские отношения в нем бережет Межконфессиональный Совет Крыма "Мир — дар Божий".

Вновь возводится в центре крымской столицы кафедральный Александро-Невский собор, уже золотятся его купола. Можно ли было подумать двадцать лет назад, что взорванный в 1930-м собор будет стоять на прежнем месте? Совсем

неподалеку от строящегося собора стоит чудесный памятник — Святитель Лука благословляет всех своей десницей, а далее — монастырь, храмы, соборы, часовни... Зримо и осязаемо красуются эти святыни, радуют людские взгляды и сердца.

Но есть и еще одна сторона деятельности Владыки Лазаря, та, которая часто невидна постороннему взгляду. Сколько народу за эти двадцать лет обратились за помощью к Владыке! Никто не считал, сколько сотен, а, может быть, и тысяч людей принесло ему свою боль, свои проблемы, сколько слез, вопросов, просьб звучало в архиерейском кабинете, и всем была протянута рука помощи.

Пожелаем же нашему Владыке всесильной помощи Божией в его служении Господу и Святой Матери-Церкви. Будем учиться у Владыки вере в Бога и смиренной преданности воле Божией, направляющей нас ко всякому благу. Пусть пошлет Господь ему Свою неоскучающую помощь в его нелегком служении.

Многая Вам лета,
дорогой Владыка Лазарь!

По нашей просьбе специально для журнала "Православие и медицина" Митрополит Лазарь ответил на несколько вопросов:

Владыка, по Вашему благословению в 2001 году было создано Общество православных врачей Крыма. Что подсказало Вам эту прекрасную идею?

Эта моя идея вытекает из того, что в Свято-Троицком женском монастыре по-

Митрополит Лазарь с крымскими медиками — членами Общества православных врачей Крыма. Свято-Троице-Параскевиевский монастырь. 2010 г.

коятся мощи Святителя Луки — врача, профессора, все свою жизнь посвятившего служению и лечению ближних. Еще в молодости он выбрал путь земского врача — а это означало тяжелейший труд, отказ от работы в столичных городах, от почестей. Он посвятил себя служению убогому человеку. Он знал, что это служение ценно в глазах Господа, ведь человек — это образ Божий, и, оказывая ему помощь, проявляешь любовь к Богу.

Мне хотелось донести этот пример до наших врачей, показать им, как должно относиться к ближнему и дать возможность на деле последовать примеру высокого милосердия Святителя.

Многие святые были врачами и целителями: святой великомученик и целитель Пантелеймон, бесцребреники и чудотворцы Косма и Дамиан, пре-

подобный Агапит Печерский... Святитель Лука был врачом. Как можно следовать этим высоким примерам врачу в современных условиях?

Если иметь в душе веру и страх Господень, то современный врач может идти этим путем. Когда-то у одного из известных врачей спросили: "Как это у вас все получается", он ответил: "Руки мои, остальное — все от Бога". Вспомните, как оперировал Святитель Лука: наносил йодом крест на тело больного, просил помочи у Бога, благословения — и операция удавалась. Если врач не будет следовать этому правилу — успеха не будет. А если врач, почитая образ Божий в несчастном больном, облегчит его страдания, отрет слезу его — то Господь благословит и поможет ему.

Что Вас как священнослужителя

волнует и беспокоит в нынешней медицине?

Меня очень беспокоит нынешнее состояние экологии. Я согласен с медиками, которые говорят, что почти все болезни — от плохой экологии и бывают тревогу. А нет экологии — нет любви к Богу. Люди убивают Его творение, стремясь только к собственной выгоде. Позор! Уходит, убивается человечество: в 1990 году в Украине жило 52 миллиона человек, а сегодня — менее 46 миллионов, и все за счет экологии. Пора остановиться и задуматься, в какую пропасть мы катимся. Ведь как важно здоровье человека! А улучшится экология — улучшится и здоровье.

Что бы Вы хотели пожелать нашим православным медикам? Какой Вы видите их дальнейшую деятельность?

Медики дорогие! Я возлагаю на вас надежду, что вы будете исполнителями клятвы Гиппократа, каждого ее пункта. Для того, чтобы ее исполнить, приобретайте веру Христову. Перед вами страждущий плачущий человек, он просит вашей помощи. Обращайтесь к Богу, чтобы Он помог вам. Прошу и умоляю вас — не будьте бесчувственны, сострадайте человеку, который обращается к Богу и к вам. От вас зависит прекратить страдания и болезнь. Все святые призывают нас к тому, чтобы помнить о своих братьях, Священное Писание учит: больного посети, голодного накорми, нагого одень... Окажи страждущему свою помощь, свою поддержку — это и есть ваша деятельность. Вера без дел мертва.

Подготовила Людмила Ясельская

БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ!

Анна Александровна НИКИТИНА,
прихожанка храма во имя иконы Божьей
Матери "Целительница", доверенный врач
КРУ "Детская клиническая больница"

Любовь — это чувство дороже всего,
И счастлив лишь тот, кто познает его.
Любовь ведь способна зажечь нам сердца.
Ее и поставлю я в центре венца...

Это чувство было в сердце 15-летнего отрока, проживающего в украинском селе Старый Тараж, когда он окончательно решил посвятить всю свою жизнь служению Матери-Церкви, Господу и Пресвятой Богородице!

Господь посыпал ставшему священником молодому человеку всевозможные послушания. Невидимая рука Всевышнего помогала и направляла все усилия Владыки Лазаря в нужное русло. Огонь души своей он отдавал людям настолько искренне, что Господь и Богородица спасли его от "земного огня" в авиакатастрофе.

...Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих...

Служа Господу и Матери-Церкви в далеких землях Центральной и Южной Америки, Владыка Лазарь мечтал о Родине, и Господь явил чудо.

...Ликует сердце, видя чудеса,
мы славим все дела Творца!

Никогда Владыка Лазарь не забывал родной очаг,
любимый двор,
и манин взор.

Для любого человека мама — самое дорогое слово, любимый человек. Моя

литва его матери земной была услышана Матерью Небесной и сын вернулся в родные края. Ждали его все и надеялись, что именно их епархию возглавит Владыка Лазарь. А в его сердце всегда был Почаев.

...Почаев — град велик собой,
душой и сердцем я с тобой...

Это было незабываемое время в жизни и послушании архиепископа Тернопольского и Кременецкого Лазаря.

Но, как говорят, "пути Господни неисповедимы".

...Тавриды славная земля
Ждала, встречала Вас, любя.
Хранила тайны всех веков,
Доверив мудро Вам престол...

20 лет Митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь возглавляет кафедру. С первых же дней пребывания на ней он занимается восстановлением приходов, монастырей, строительством новых храмов. Много времени и сил Владыка Лазарь отдает делу воспитания молодежи. Он восстановил Таврическую духовную семинарию. Он посещает учебные заведения Крыма, благословляя и приводя молодежь в Православию.

Владыка Лазарь знает цену жизни, он часто посещает лечебные учреждения, особенно детские.

Вот так и несет в сердце своем он благодатный огонь любви, огонь служения Богу и людям.

...Он с верою Тебе все годы, Господи, служил.
Любовью, дружбой дорожил.
Хранил он в сердце Твой огонь всегда,
Отдаст его, Тебя любя!

Будущий Владыка Лазарь с матерью и сестрами. 1950-е гг.

В сельском храме тихо. Пахнет ладаном...
На коленях женщина в платке...
И, забыв, о том, что на дом задано,
Мальчик молится со свечкою в руке.
И укоры школьных попечителей,
Запретивших в Божий в храмходить,
Позабыты в обществе хранителей
Светлой веры, что зовет любить.
Той, что призывает в воскресение
Всех на службу. Той, что дарит свет.
Той, в которой видит он спасение,
Той, которой принесет обет...
Но сейчас, у лица Богородицы,
Он еще не знает ни о чем.

В сельском храме тихо. Мальчик молится,
Чтобы мир греховный был прощен.
Дней прошло немало, жизнь торопится,
Но Владыка, в детстве дав обет,
С верою Христовой Богу молится
Нас оберегая всех от бед.

Ленара Сеит-Османова, преподаватель УВК "Таврическая школа-гимназия № 20", г. Симферополь

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

СВЯТО-ВВЕДЕНСКИЙ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ ОПТИНА ПУСТЫНЬ. ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПАЛОМНИКА.

Галина Эриковна СУХАРЕВА,
доцент кафедры педиатрии КГМУ
им. С. Георгиевского

Оптина для нас значительно больше, чем памятник архитектуры, культуры, истории. Сто лет назад, в пору своего расцвета, она влекла богомольцев своей высокой духовностью, целой плеядой великих старцев. Средоточием духовной жизни монастыря был Иоанно-Предтеченский скит. В нем жили старцы.

Старец — это христианин, сподобившийся от Господа за свою подвижническую жизнь даров Святого Духа: дара духовного рассуждения, прозорливости, исцелений, чудотворений. К ним обращались по всем вопросам, и через

старцев открывалась воля Божия.

Целый век процветало в монастыре старчество, которое берет начало от преподобного Паисия Величковского (начало 19 века). При преподобном Амвросии, ученике старцев Льва и Макария, начинается "золотой век" Оптины. Слава о старце шла по всей России. Тысячи людей находили у него поддержку и утешение.

Среди посетителей были Ф.М. Достоевский и Великий князь Константин Романов. Сестра графа Л.Н. Толстого Мария Николаевна Толстая была наследницей женского Шамординского монастыря, где она и скончалась, за три дня до смерти приняв монашеский постриг. В 1918 году Оптина Пустынь была закрыта. В 1987 году монастырь был возвращен Русской Православной Церкви.

Велико было влияние этих хранителей правды Божьей. Их личность, слова, пример поднимали сломленного, безразличного, грешного человека, иногда изменяли его жизнь.

Молитвами святых старцев обитель

*Храм в честь
Преображения Господня*

*Церковь во имя явления
Казанской иконы Божией Матери*

*Собор преподобных старцев
Оптиной пустыни*

была "золотой чашей, в которую сливалось все самое драгоценное, духовное вино России".

В 1988 году первым из собора Оптинских старцев к лику святых был причислен старец Амвросий. А решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (1966 год) в лике местночтимых святых были прославлены и остальные преподобные отцы и старцы Оптинские: Лев, Макарий, Моисей, Антоний, Иларион, Анатолий, Исаакий, Иосиф, Варсонофий, Нектарий, Анатолий, Никон, Исаакий II.

Помолившись в храме св. Владимира, я преподнесла настоятелю храма в дар обители икону Святителя Луки.

Посещение Оптиной Пустыни было для нас большим потрясением. Уезжая, мы повторяли про себя молитву Оптинских старцев:

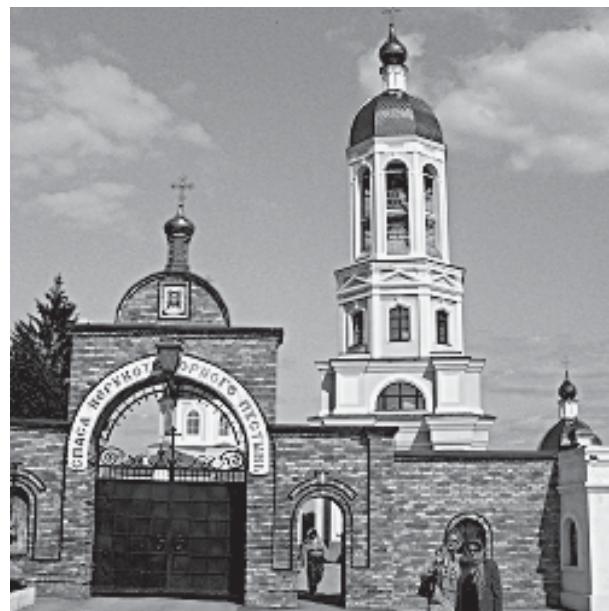
*Настоятелю храма в дар обители
икона Святителя Луки*

"Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей святой. На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня. Какие бы я не получал известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душою и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя. Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобою.

Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая. Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня. Руководи мою волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть и любить".

Невдалеке от Оптиной Пустыни, в селе Клыково, есть небольшой мужской монастырь Спаса Нерукотворного — пустынь Калужской епархии, где всегда собирается множество священников, монахов, мирян.

Сюда стекается много паломников, и происходят чудеса исцеления. В этом монастыре до самой своей кончины жила и покоятся под высоким восьмиконечным крестом необыкновенная праведница, великая молитвенница, прозорливая старица — схимонахиня Сепфора. Она перешла в вечность в 1997 году, на 102 году жизни. Схимонахиня Сепфора насыщала светом и радостью всех, приходящих к ней, всех одаривала теплом боголюбивого сердца. Учила уступать и прощать, а главное — в наше жестокое время — просить Господа о даровании любви. "Когда усыхают в тебе любовь, — говорила матушка, — молись так: умягчи сердце мое, Господи!".

*Мужской монастырь
Спаса Нерукотворного*

По воспоминаниям знавших ее, любовью была проникнута вся земная жизнь старицы Сепфоры.

В этом благодатном месте не умолкает молитва и многие недужные получают исцеление. Мы побывали на службе, заходили в келейку праведницы, где мироточит ее фотография.

Не могли мы не заехать и в храм Спасо-Преображения в селе Новые Прыски, который встретился нам по пути. Здесь нас встретил, с каждым побеседовал и благословил настоятель храма отец Леонтий.

Следующим пунктом нашей поездки была Свято-Амвросиевская женская обитель в селе Шамордино. На крутой горе, поросшей лесом и спускающейся к реке, расположен Казанский Свято-Амвросиевский женский монастырь.

Это последняя и любимая женская обитель преподобного Амвросия — старца Оптинского, устроенная его молитвами и трудами в 1884 году, в основном на средства московского купца С. Перлова. Московский купец С.В. Пер-

лов (1836—1910 г.г.) и его супруга были духовными чадами преподобного Амвросия и благотворителями обители. На их средства построены практически все фундаментальные монастырские постройки и устроены иконописная, чеканная, золотошвейная, переплетная, ковровая, швейная и другие мастерские и также типография и фотомастерская. Похоронен купец С.В. Перлов в обители.

Обитель посвящена Казанской иконе Божией Матери, чудотворный образ которой находился в ней. Батюшка Амвросий не раз возносил перед ней свои молитвы. В настоящее время местонахождение этого чудотворного образа неизвестно.

Преподобный Амвросий собирал в обитель сирот, бедных вдов, убогих и обездоленных женщин, не имеющих возможности поступить ни в какой другой монастырь. Главный храм обители в честь Казанской иконы Божией Матери построен по проекту известного архитектора С.В. Шервуда. Величественный 15-главый собор выполнен в русском стиле.

В годы лихолетья храм, как и весь монастырь, сильно пострадал: был осквернен и обезглавлен. С возрождением обители (сейчас в монастыре более 150

Казанский Свято-Амвросиевский женский монастырь

сестер), началось его восстановление: в 2005 году Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II освятил главный престол в честь Казанской иконы Божьей Матери.

Восхищает внутреннее убранство храма, выполненное сестрами в мастерских обители: витражи, вышитые бисером оклады, вышитые золотом плащаницы и хоругви. Помолившись в Казанском храме, мы двинулись в обратный путь. Поездка наша завершилась глубокой ночью, а на душе было так светло и хорошо, как будто на светлую поляну из темного леса вышли. Не оставляло осознание того, что начало всему Господь, Его любовь и Его милосердие.

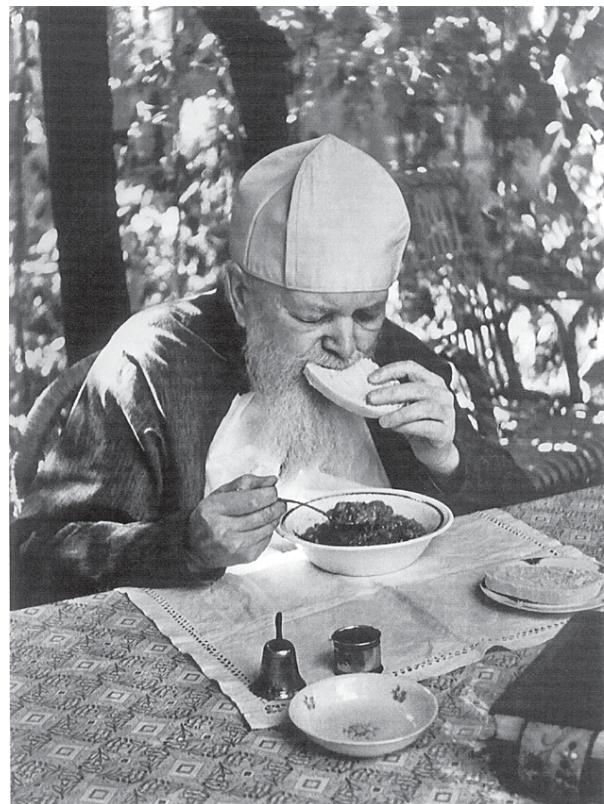
СЛОВО СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ

О ДОМЕ, ПОСТРОЕННОМ НА КАМНЕ И ПОСТРОЕННОМ НА ПЕСКЕ

Всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, построившему дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое. И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи" (Мф. 7, 24-29).

О каком доме говорит Господь? Что должны мы иметь в виду, слыша Его святые слова? Он говорит о домостроительстве всей жизни нашей, о том, на чем и как основываем мы всю жизнь нашу.

А люди основывают жизнь свою все по-разному, и мало-мало таких, которые основывают ее на камне, который есть Господь Иисус Христос. Одни основывают все дело благополучия своего на лжи, на мошенничестве, на подлости, на взятках, и до времени они благоденствуют, иногда довольно долго благоденствуют, а кончается все так, как кончилось с домом, построенным на песке, на который устремились реки и ветры — и было падение дома того великое.

*Хлеб наш наущный...
Святитель Лука за трапезой*

Другие, ученые, основывают все здание жизни своей, всю деятельность свою, все домостроительство жизни своей на глубокой вере в то, что вся истина в науке. На ней, столь изменчивой, столь непостоянной науке основывают домостроительство свое. Рушится, рушится это домостроительство, и люди, всю жизнь свою отдавшие науке, приходят к заключению, что наука бесполезна, что основание, на котором строили они жизнь свою, подобно песку.

А огромное большинство людей, если не говорить об ученых — о меньшинстве, строят жизнь свою на стремлении устроиться теплее, приобрести богатство, обеспечить жизнь свою. И здесь надо вспомнить притчу о хозяине ог-

ромного имения, который собрал урожай с полей своих и не знал, что с ним делать, ибо малы оказались его амбары, в которых лежали уже запасы хлеба. И он решил сломать эти амбары и построить новые, и радовался богатству своему, а Бог сказал ему: "Безумец! В эту ночь душу твою возьмут у тебя!" Так бывает с очень, очень многими, строящими жизнь свою на погоне за благополучием и обеспеченностью, за богатством. Странят на песке, на стремлении к благам земным, не помнят заповедей Христовых — и бывает падение дома их велико.

Есть и еще люди, их много, которые строят здание жизни своей на вере в политические учения, и одни принимают за истину одно учение, другие — другое, и всю жизнь отдают политической работе, направленной соответственно учению, которое избрали.

Не песок ли это? Конечно, песок, потому что все политические течения имеют целью обеспечение материальными благами народа, общества, а это, это стремление к обеспечению только материальными благами — то же, что домостроительство на песке. Ибо грянет страшная война, подобная перенесенной нами недавно, и все разрушится, и все перевернется, и все изменится.

Ненавистью и ложью руководимое строительство, которым занимались люди при созидании политического здания своей страны, своего общества, оказалось строительством большого здания на песке. Подули ветры, разлились реки, и было падение этого здания великим и страшным.

Как понимать эти слова Господа Иисуса Христа о реках, о ветрах, которые устремляются на дом, построенный на камне или построенный на песке? Господь говорит о строительстве всей на-

шей духовной жизни. Он никогда не говорил о жизни материальной, никогда не учил, как устраивать земную жизнь. Он говорил только, что надо не думать, не заботиться ни о чем, так как Отец наш Небесный знает, что мы нуждаемся в пище и одежде, и все получим, если будем одного искать — Царствия Божия и славы Его.

О каких ветрах, о каких реках говорит Господь применительно к жизни не материальной, а духовной? Какие ветры не страшны тем, кто дом свой построил на камне — на заповедях Христовых? Какие реки и ветры разрушат здание жизни, построенное на песке, на лжи, а не на камне, который есть Христос?

Это тяжкие испытания, бедствия, издевательства, преследования, унижения, которые выпадают на долю верующего человека, особенно духовного человека. Господь говорит, что они не страшны и не вредны для подлинно духовного человека, для того, кто построил дом на камне. Многие-非常多的 святые, которые построили дом свой, домостроительство души своей на камне, на скале, этих нападений не страшились, переносили их благодушно, с полным терпением. И чем выше святость человека, тем меньше затрагивают его злые ветры, бурные воды, устремляющиеся на него от диавола, он нечувствителен к ним, переносит все спокойно и благодушно. Они не вредят ему, и дом души его, души святой, не поколебим.

Совсем не так с теми, у кого дом души их построен не на заповедях Христовых, а на песке: на благах мира, на учениях человеческих. Они не переносят ни оскорблений, ни унижений, ни нападений, способных разрушить их состояние; теряя близких своих, впадают они в отч-

яние, клянут всех и вся, впадают в глубокое малодушие, и дом души их, построенный на песке, падает, и падение вызывает великим и страшным.

Когда слышали люди древние дивные слова Христовы, они дивились учению Его, ибо учил Он как власть Имущий, а не как фарисеи и книжники. Люди чувствовали всем сердцем огромную силу, глубокую истину слов Христовых. Ибо никто не говорил, как Он.

Надо, чтобы и на всех вас эти слова Христовы произвели такое впечатление, чтобы слова о доме, построенном на камне, поразили вас своей глубиной, своей истинностью. Аминь.

*21 июня 1947 г.,
суббота 2-й недели*

Светлой памяти Святителя Луки

Ты полюбил страданье, отче,
Взяв исповедничества крест...
Пронес сквозь узы и скитанья
Любви Христовой благовест.

Во тьме неверия и страха
Свечой негаснущею стал,
И души, зябкие от мрака
Святым глаголом согревал...

Врач мудрый, кроткий и безмездный.
Земное поприще свершив,
Ты, духом ко Христу вознесшись,
На Небе продолжаешь жить!

И ныне, чрез десятилетья,
К тебе людской поток течет,
И Отчее благословенье
Твоей молитвой обретет!

Андрей Вячеславович ИШИН, кандидат исторических наук, преподаватель Таврической Духовной семинарии, доцент ТНУ им. В.И. Вернадского

БЛАГОЧЕСТИЕ ГЛУБОКО ИЗМЕНЯЕТ ЛЮДЕЙ

"Оттуда вышел Он и пришел в Свое отчество" – в Назарет, где Он жил в детстве Своем. "За Ним следовали ученики Его. Когда наступила суббота, Он начал учить в синагоге; и многие слышавшие с изумлением говорили: откуда у Него это? Что за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его?" (Мк. 5, 1-2).

Изумлялись люди, изумлялись, видя и слыша Господа Иисуса, изумлялись те, кто знал Его в детстве и отрочестве Его: как же так, знали, что он не изучал премудрости, знали, что нигде не учился подобно тому, как учились раввины, книжники, священники. Откуда премудрость такая, откуда чудеса, откуда сила, откуда неотразимое впечатление, которое производит Он на всех?

Не понимали, откуда, а это было от Его Божественности. Приблизительно то же бывает с тем, кто далеко-далеко зайдет по пути Господню, со всяким тем, кто отрекся от мира, кому не нужны блага мира, кто все старания, все силы ума и сердца направляет только к Богу, кто будет жить жизнию, какой жили святые.

Произошла разительная перемена, изменилось все: стало новым лицо его, которое так хорошо знали прежде. Знали обыкновенное лицо, как будто ничем не отличающееся от других. Будут поражены люди, не будут знать, что случилось с этим человеком, почему сделался непохожим на всех людей: раньше был обыкновенным человеком, а теперь стал не-похож на всех.

У таких людей все иное, вся внешность не та: нет резких грубых движений, которые свойственны людям суэтным, людям житейским, неискажается лицо их судорогами и подергиваниями, которые

искажают лица злых людей, их взор не блуждает суетливо: он спокоен и сосредоточен; движения спокойны, ровны, суетливости нет в телодвижениях. Всегда спокойны они, всегда молчаливы, никогда не болтают, как огромное большинство людей: они хранят уста свои, языки обуздан, движется для того, чтобы говорить слова благие, слова благословения, а не проклятия. И мысли их не таковы, как у обычных людей, живущих в мире суety.

У них нет мирских интересов, умерли они для мира, имеют высшие, глубочайшие интересы. Уединяются они в клети сердца своего, и живут в одиночестве духовном, сосредоточив внимание на сердце своем, на высших задачах своей жизни, своего существования. Жизнь их получила иное направление, не то направление, по которому идут мирские люди. Они направляют взор свой всегда к суетному, мысли свои люди мирские сосредотачивают всегда на внешнем, на том, что нужно для земной жизни, на благах мира. А мысли этих людей, их желания, их воля направлены в другую сторону, не хотят они того, чего хотят мирские люди, хотят того, о чем люди мирские не понимают: хотят избавиться от грехов, стать храмом Духа Святого, хотят войти в общение с Богом.

Если будем жить в таком сосредоточении ума нашего, воли и сердца нашего, станем новыми людьми, получим от Бога глубокую мудрость, мудрость неизмеримо большую, чем мудрость самой глубокой философии, мудрость ученых, получим глубочайший покой сердца и высшие дары Святого Духа.

Человек, далеко западший по пути самоуглубления и молитвы, становится прозорливым, ему открывается будущее,

как было с Серафимом Саровским, который читал в сердце людей, как в открытой книге, предсказывал будущее задолго-задолго, и полностью исполнились все предсказания его.

Так изменится, так переродится всякий, кто отдаст свое сердце всецело Богу. Станет он неузнаваемым, новым человеком, какими стали святые. Апостолы Христовы были простые рыбаки, нигде не учившиеся, а получили от Бога мудрость, посрамившую всю мудрость мира. Такой мудрости сподобились и все святые. Вот это те светочи, которые Господь возжег перед нами, чтобы мы видели, какими должны быть. Это светильники, показывающие нам путь жизни, изъясняющие цель и задачи жизни, открывающие книгу высшей правды.

Все мы слабы, суэтны, заняты житейскими делами. Надо, чтоб пред духовным взором нашим стояли эти люди, чтобы был перед нами образ тех людей, которые изменились и переродились благодатью Божией, надо, чтобы мы искали не только благ земных, а прежде всего благодати Божией.

Вот тогда люди скажут о нас, как о Господе Иисусе Христе: что за человек, откуда премудрость такая? Почему идет он не тем путем, как идем мы? Увидев такого человека, люди призадумаются, остановятся на суетном своем пути, подумают, что есть путь более высокий, чем тот, которым идут они, исполняя желания своей плоти. А близость к Богу дает только жизнь духовная, ибо Бог есть Дух, и детьми Божиими станете, когда будете причастниками Духа. Уйдите в клети сердца вашего, уйдите от суеты мира и обрящете покой душам вашим.

Аминь.

10 сентября,
среда 14 недели

ДУХОВНАЯ СОКРОВИЩНИЦА

ИЗРЕЧЕНИЯ СВЯТЫХ ОТЦОВ О БОЛЕЗНИ

О причинах болезней

К службе церковной непременно должен ходить, а то болен будешь. Господь за это болезнью наказывает.

(прп. Амвросий Оптинский)

Бывает, что болезнь схватывает, чтобы пробудить душу заснувшую.

(прп. Амвросий Оптинский)

Господь для того и болезни посыпает, чтобы помнить о смерти и от памяти перевесть к тому, чтобы болящий озабочился, наконец, и приготовлением к смерти.

(свт. Феофан Затворник)

Господь недостаток наших добрых дел восполняет или болезнями, или скорбями.

(свт. Димитрий Ростовский)

Болезни наши большею частью происходят от грехов, почему лучшее средство к предупреждению и исцелению от них состоит в том, чтоб не грешить.

(свт. Феофан Затворник)

Бывает, что Бог болезню укрывает иных от беды, которой не миновать бы им, если бы они были здоровы.

(свт. Феофан Затворник)

Брат спросил авву Арсения: "Есть некоторые добрые люди, почему они во время смерти подвергаются великой скорби, будучи поражены болезню телесною?" "Потому, — отвечал старец, — чтобы мы, как бы солию досолившись здесь, отошли туда чистыми".

(Патерик Афонский)

О благодатности болезни

Болезни примиряют нас с Богом и вводят снова в любовь Его.

(св. прав. Иоанн Кронштадтский)

Если оттерпелся здесь, не будешь терпеть на том свете вечных мук, а, напротив, будешь наслаждаться таким блаженством, перед которым теперешнее счастье — ничто. *(свт. Феофан Затворник)*

Господь из любви к нам посыпает по силе каждого болезни и скорби, но дает и терпение их, чтобы сделать и нас участниками Своих страданий; кто здесь не страдал Христа ради, тот будет угрызаться совестью в будущем веке, — ведь можно было показать свою любовь ко Христу терпением болезни и скорбей, и не сделал этого, стараясь уклониться и избежать всяких скорбей... Не в гневе, не для наказания посыпает нам Господь болезни и скорби, а из любви к нам, хотя и не все люди, и не всегда понимают это. *(прп. Пимен Многоболезненный)*

Болезнь для человека является милостью Божией. И если христианин примет как Богом посланное для пользы душевной и благодушно будет терпеть болезненное свое состояние, то он идет прямым путем в рай... Болезни — молотьба: чем больше ударов, тем больше зерен выбьется и тем богаче умолот. Потом надо зерно под жернова, затем муку в смешение теста и вскисание его, потом — в виде хлеба — в печь и, наконец, — на трапезу Божию.

(свт. Феофан Затворник)

Что больна, — не беда: грешным людям это — очищение; как огонь очищает железо от ржавчины, так и болезнь врачует душу. *(прп. Анатолий Оптинский)*

Как лекарство приносит пользу телу, так и болезнь — душе.

(прп. Амвросий Оптинский)

Господь послал тебе болезнь не зря, и не столько в наказание за прежние грехи, сколько из любви к тебе, чтобы оторвать тебя от греховной жизни и поставить на путь спасения. Благодари за это Бога, заботящегося о тебе.

(игум. Никон (Воробьев))

Милостив Господь! В монастыре болеющие скоро не умирают, а тянутся и тянутся до тех пор, пока болезнь принесет им настоящую пользу. В монастыре полезно быть немного больным, чтобы менее бунтовала плоть, особенно у молодых, и менее пустяки приходили в голову. А то при полном здоровье, особенно молодым, какая только пустошь не приходит в голову.

(прп. Амвросий Оптинский)

Болезнь избавляет от многих душевных страстей. Апостол Павел говорит: "...если внешний наш человек... тлеет, то внутренний... обновляется" (2 Кор. 4, 16).

(прп. Амвросий Оптинский)

Чем более в этой жизни мы страдаем от болезней, от преследований, силы врагов или бедности, тем больше наследуем награды в жизни будущей. (блж. Иероним)

Терпение болезни Господь принимает вместо поста и молитвы.

(прп. Анатолий Оптинский)

Благодарите Бога, что вы на добром пути: болезнь ваша — великий дар Божий; денно и нощно за сие и за все хвалите и благодарите — и спасена будет душа Ваша.

(старец Арсений Афонский)

Главною причиною малодушия и ропота на Бога во дни страданий у многих бывает недостаток веры в Бога и надежды на Его Божественный Промысл. Истинный христианин верует, что все, случающееся с нами в жизни, делается по воле Божией; что без воли Божией и волос с головы нашей не падает на землю. Если Бог посыпает ему страдания и скорби, то он видит в этом или посыпаемое ему от Бога наказа-

ние за грехи его, или испытание веры и любви к Нему; и потому он не только не малодушен, и не ропщет за то на Бога, но, смирясь под крепкую руку Божию, еще благодарит Бога за то, что не забывает его; что по милосердию Своему Бог хочет временными скорбями заменить для него вечные; поражаемый скорбию, он говорит с праведным Давидом: "Благо мне, Господи, яко смирил мя еси, да научуся оправданием Твоим". (блж. Иероним)

Воистину телесными болезнями душа приближается к Богу.

(св. Григорий Богослов)

Авва Даниил говорил: по той мере, как цветет тело, истощается душа, и по мере истощения тела процветает душа.

(Патерик Афонский)

Болезнь не несчастье, а поучение и Божие посещение; больного преподобного Серафима посетила Матерь Божия; и нас, если мы смиренно переносим болезнь, посещают Высшие Силы.

(прп. Амвросий Оптинский)

"Здоровье есть дар Божий, — говорил прп. Серафим Саровский, — но не всегда бывает полезен этот дар: как и всякое страдание, болезнь имеет силу очищать нас от душевной скверны, заглаждать грехи, смирять и смягчать нашу душу, заставлять одуматься, сознавать свою немощь и вспоминать о Боге. Поэтому болезни нужны и нам, и нашим детям".

(прп. Амвросий Оптинский)

Всякий раз, когда поражается тело твое или воспламеняется сильною горячкою, также томится несносною жаждою, — если ты грешник, то переноси это, воспоминая о будущем наказании, о вечном огне и казни по суду и "не пренебрегай" настоящими (наказаниями) (Евр. 12, 5), но радуйся, что Бог посетил тебя, и повторяй сие прекрасное изречение: "Строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня" (Пс. 117, 18). Ты — железо, и огонь очистит

твою ржавчину. Если ты, будучи праведным, впал в болезнь, то чрез сие от меньшего преступстваешь на большее. Ты золото, — и чрез огонь сделался чище... Лишаемся ли мы очей? — перенесем это без отягощения, ибо через это мы лишаемся органов ненасытности и просвещаемся внутренними очами. Оглохли ли мы? — Будем благодарить Бога, что мы совершенно потеряли суетный слух. Руками ли ослабели? — Но мы имеем внутри себя руки, уготованные на борьбу со врагом. Немощь одержит все тело? — Но от сего, напротив, возрастает здравие по внутреннему человеку. (Патерик Афонский)

О злострадании в болезни

Когда же будут тебя беспокоить неудобства или болезненные страдания, или что-либо подобное, тогда старайся не упускать из памяти слова Св. Писания: "Многими скорбями подобает нам винти в Царствие Небесное". (прп. Амвросий Оптинский)

Больной и бедный — не жалуйся и не ропщи на свою судьбу, на Бога и людей, не завидуй чужому счастью, берегись уныния и особенно отчаяния, покорись всецело Промыслу Божию.

(св. прав. Иоанн Кронштадтский)

Берегись, чтобы ненавистник добра не увлек тебя в неблагодарность или ропот, тогда все ты потерян.

(св. прав. Иоанн Кронштадтский)

В болезни не желай себе смерти — это грешно. (прп. Пимен Многоболезненный)

Если же человек будет роптать на болезни и скорби, будет искать виновника этим скорбям среди людей (околдовали, сделали), бесов, обстоятельств, станет всеми средствами пытаться избежать их, то враг поможет ему в этом, покажет ему мнимых виновников (начальство, порядки, соседи и прочее, и прочее), возбудит в нем вражду и ненависть к ним, желание мстить, оскорблять и прочее, а через это приведет душу такого человека в мрак, отчаяние, безнаде-

жение, желание уйти в другое место, скрываться хоть под землю, лишь бы не видеть, не слышать мнимых врагов, а на самом деле слушая и услаждая действительного смертельного врага своего — диавола, внушающего ему все это и желающего погубить его.

(прп. Пимен Многоболезненный)

На опасно больных нападает сильнее диавол, зная, что имеет мало времени.

(старец Арсений Афонский)

Страдания, если они озлобляют болящего, не преображая его, не давая благотворной реакции (исправления и благодарения) — только сугубое зло.

Все самые тяжкие скорби и несчастья переносятся людьми легче, чем тяжкие недуги телесные. Несомненный знаток в деле терзания, мучения людей — сатана — пред лицом Самого Бога засвидетельствовал, что телесные болезни невыносимее всех других несчастий, и что человек, мужественно и безропотно переносящий другие бедствия, может ослабеть в своем терпении и поколебаться в преданности Богу, подвергшись тяжкой болезни.

(свт. Феофан Затворник)

Когда, например, больной расположится благодушно переносить болезнь свою и переносит, враг, зная, что таким образом он утвердится в добродетели терпения, подступает расстроить такое его благорасположение. Для сего начинает приводить ему на ум многие добрые дела, которые мог бы он совершить, если бы находился в другом положении, и старается убедить его, что если бы был здоров, как добре поработал бы Богу, и сколько пользы принес бы и себе, и другим: ходил бы в церковь, вел бы беседы, читал бы и писал в назидание ближних и т. п. Заметив, что такие мысли принимаются, враг чаще приводит их на ум, размножает и раскрашивает, проводит до чувства, вызывает желания и порывы к делам тем, представляет, как хорошо шли бы у него те или другие дела, и возбуждает жаление, что связан по рукам и ногам болезнью. Мало-

помалу, при частых повторениях таких мыслей и движений в душе, желание переходит в недовольство и досадование. Прежнее благодушное терпение, таким образом, расстраивается, и болезнь представляется уже не как врачевство от Бога и поприще для добродетели терпения, а как нечто неприязненное делу спасения, и желание освободиться от нее делается неудержимым, все еще в видах получения через то простора для доброделания и угождения Богу всяческого. Доведши до чего, враг украдает из ума его и сердца эту благую цель желания выздоровления и, оставляя одно желание здоровья как здоровья, заставляет досадливо смотреть на болезнь, не как на препону к добру, а как на нечто, неприязненное само по себе. От сего нетерпеливости, не врачуемая благопомышлениеми, берет силу и переходит в ропотливость, и лишает больного прежнего покоя от благодушного терпения. А враг радуется, что успел расстроить.

(прп. Никодим Святогорец)

О необходимости в болезни прибегать к лечению

В болезнях должно заботиться об излечении их.
(блж. Иероним)

Если ты болен, то пригласи опытного врача и воспользуйся предписанными им средствами. С этой целью возникают из земли столь многие благодетельные растения. Если ты по гордости отвергнешь их, то ускоришь свою смерть и сделаешься самоубийцей.
(блж. Иероним)

Врачу показывать болезни телесные не есть грех, но смирение.

(прп. Варсонофий Великий)

Многие болезни Господь исцеляет через врачей и другие средства. Но есть болезни, на излечение которых Господь налагает запрет, когда видит, что болезнь нужнее для спасения, чем здоровье.

(свт. Феофан Затворник)

О терпении и благодушие в болезни

Великий подвиг — терпеливо переносить болезни и среди них воссыпать благодарственные песни Богу.

(свт. Феофан Затворник)

Бог не требует от больного подвигов телесных, а только терпения со смирением и благодарения. (прп. Амвросий Оптинский)

Больной ли ты или бедный, терпи. Ничего кроме терпения Бог от тебя не требует. Терпя благодушно, ты будешь находиться непрерывно в добром деле. Когда ни воззрит на тебя Бог, будет видеть, что ты делаешь добро или пребываешь в добре, если благодушно терпишь, тогда как у здорового дела добрые идут промежутками. Почему, желая перемены своего положения, ты желаешь променять лучшее на худшее? (прп. Никодим Святогорец)

Один старец, страдавший водяною болезнью, говорил братиям, которые приходили к нему с желанием лечить его: "Отцы, молитесь, чтобы не подвергся подобной болезни мой внутренний человек, а что касается до настоящей болезни, то я прошу Бога о том, чтобы Он не вдруг освободил меня от нее, ибо насколько "внешний наш человек тлеет", настолько "внутренний обновляется" (2 Кор. 4, 16).

(прп. Серафим Саровский)

Один старец говорил о бедном Лазаре: "Не видно в нем ни одной добродетели, которую бы делал он", — и только одно находил в нем, то, что он никогда не роптал на Господа, как бы на не творящего ему милости, но с благодарностию переносил болезнь свою, — и посему Бог принял его.

(Патерик Афонский)

Если находишься в долговременной болезни и имеешь какое-либо утешение от служащих тебе, то посмотри на тех, которые внутри терпят скорбь и печаль, снаружи ранами покрыты и не имеют, кто бы им послужил, накормил, напоил, поднял, омыл раны, — и они терпят. (свт. Тихон Задонский)

О посте и молитве во время болезни

Облегчение поста для немощных дозволительно по правилу церковному (Апостол, 69 правило). (*свт. Филарет Московский*)

В болезни, по совету врача, мы можем разрешить себе на время употребление и постом скромной пищи, но в этом случае мы должны помнить, что делаем это из необходимости, а не для удовольствия и наслаждения. (*прп. Пимен Многоболезненный*)

Больной должен в посты поститься в среду и пятницу, а в остальные дни ему разрешается кушать скромное, кроме мясного.

(*прп. Варсонофий Великий*)

Бывает, что некоторые больные употребляют в пост скромную пищу как лекарство, и после приносят в этом покаяние, что по болезни нарушили правила Св. Церкви о посте. Но всякому нужно смотреть и действовать по своей совести и сознанию... Лучше из постной пищи выбирайте для себя питательную и удобоваримую вашим желудком. (*старец Арсений Афонский*)

Старец заболевшему своему другу внушил: "Молиться надо чаще: "Господи! Даждь ми зде терпение, тамо отпущение"".

(*свт. Феофан Затворник*)

Не скорбите, если по болезни иногда не можете выполнить молитвенного правила, а благодарите Бога за болезнь, ибо она тоже, что молитва, если без ропота и с благадарением терпим.

(*старец Арсений Афонский*)

Однако же в те часы, в кои идет в церкви служба, лучше не лежать, а усесться на постели, прислонясь, если немощь одолевает, к стене, и так молиться умно и сердечно, с полным желанием и бодренностю духа.

(*свт. Феофан Затворник*)

Пришел как-то к о. игумену Антонию один большой ногами и говорит: "Батюшка, у меня ноги болят, не могу класть поклоны, и это меня смущает". О. Антоний ответил ему: "Да уж в Писании сказано:

"Сыне, даждь Ми сердце", а не нози".

(*прп. Амвросий Оптинский*)

Отец не даст детям камня вместо хлеба и змеи вместо рыбы. Если же естественный отец не делает так, тем более не станет так делать Отец Небесный. А прошения наши нередко походят на прошение змеи и камня. Нам кажется, что то хлеб и рыба, чего просим, а Отец Небесный видит, что просимое будет для нас камень или змея — и не дает просимого. Отец и мать изливают пред Богом теплые молитвы о сыне, да устроит ему лучшее, но вместе с тем выражают и то, что считают лучшим для своего сына, именно, чтобы был он жив, здоров и счастлив. Господь слышит молитву их и устраивает для сына их лучшее, только не по понятию просящих, а так, как оно есть на самом деле для сына их: посыает болезнь, от которой умирает сын. Для тех, у которых все кончается настоящей жизнью, это не услышание, а делание наперекор или предоставление лица, о котором молятся, его участи; для верующих же, что настоящая жизнь только приготовление к другой жизни, не может быть сомнения, что сын, о котором молились, заболел и умер именно потому, что услышана молитва и что для него лучше было отойти отсюда, чем оставаться тут. Скажешь: так на что же и молиться? Нет, не молиться нельзя, но в молитвах об определенных предметах всегда надо содержать в мысли условие: "Если, Господи, Сам Ты находишь это спасительным". Св. Исаак Сирин и всякую молитву советует сокращать так: "Тебе, Господи, ведомо, что для меня полезно: сотвори же со мной по воле Твоей".

(*свт. Феофан Затворник*)

О церковных Таинствах во время болезни

Один из приходских священников сделался болен, и, приближаясь уже к кончине, увидел одр свой окруженным демонами, которые готовились похитить его душу и низвес-

ти во ад. Тогда явились три Ангела. Один из них стал у одра и начал препираться о душе с отвратительнейшим демоном, державшим отверстую книгу, в которой были записаны все грехи священника. Между тем пришел другой священник, чтобы напутствовать собрата. Началась исповедь; больной, устремляя испуганные взоры в книгу, произносил с самоотвержением грехи свои, как бы извергая их из себя, — и что ж видит он? Видит ясно, что едва произносил какой грех, как этот грех исчезал в книге, в которой оставался пробел вместо записи. Таким образом, исповеданием он изгладил из бесовской книги все грехи свои, и, получив исцеление, остаток дней провел в глубоком покаянии, поведая ближним для назидания их видение, запечатленное чудесным исцелением.

(свт. Игнатий Брянчанинов)

Грех не душу только поражает, но и тело. В иных случаях это весьма очевидно; в других, хоть не так ясно, но истина остается истиной, что и болезни тела все и всегда от грехов и ради грехов. Грех совершается в душе и прямо делает ее больною, но так как жизнь тела от души, то от больной души, конечно, жизнь не здоровая. Уже одно то, что грех наводит мрак и тугу, должно неблагоприятно действовать на кровь, в которой основание здоровья телесного. Но когда припомнишь, что он отделяет от Бога — Источника жизни, и ставит человека в разлад со всеми законами, действующими и в нем самом, и в природе, то еще дивиться надо, как остается живым грешник после греха. Это милость Божия, ожидающая покаяния и обращения. Следовательно, больному прежде всякого другого дела надо поспешить очиститься от грехов и в совести своей примириться с Богом. Этим проложится путь к благодетельному действию лекарств. Известно, что был какой-то знаменательный врач, который не приступал к лечению, пока больной не исповедуется и не причастится Св. Тайн; и чем труднее была болезнь, тем он настойчивее этого требовал.

(свт. Феофан Затворник)

В опасных болезнях заботясь сперва об очищении своей совести и о спокойствии своей души.

(старец Арсений Афонский)

Размышляйте о том, что здешнее все мимолетно, а будущее вечно. Больному надобно утешать себя чтением Божественного Писания и страданием Спасителя.

(прп. Анатолий Оптинский)

Самая лучшая благодарность Богу за выздоровление от болезни состоит в том, чтобы служить Ему оставальное время жизни в исполнении заповедей Его.

(прп. Пимен Многоболезненный)

О служении больным

Когда увидим болящего, то не будем худо объяснять себе причину его болезни, но постараемся утешить его.

(прп. Пимен Многоболезненный)

Не должно отказывать в помощи больным из опасности заразиться их болезнью.

(прп. Пимен Многоболезненный)

Посещение лежащих на ложах больных и одержимых скорбию плоти избавляет от беса гордыни и блуда.

(прп. Пимен Многоболезненный)

Посещай болящих, да посетит Бог тебя.

(прп. Пимен Многоболезненный)

Не убий. Убивают, между прочим, и врачи от неведения болезни больного, прописывая ему вредные лекарства. Убивают и те, которые не хотят лечиться или лечить больного, коему необходима помощь врача. Убивают те, которые раздражают больного, для которого раздражение гибельно, например, подверженного чахотке, и тем ускоряют его смерть. Убивают те, которые не подают в скором времени, по скupости или по другой недоброй причине, врачебного пособия больному, хлеба голодному.

(св. прав. Иоанн Кронштадтский)

Сайт "Азбука веры"

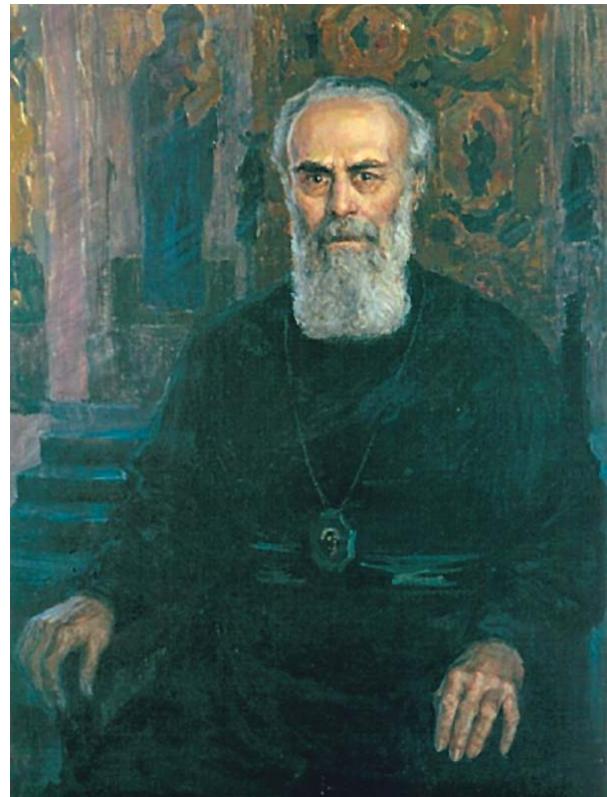
ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

ВОПРОШАНИЕ И СОМНЕНИЕ¹

Митрополит Сурожский
АНТОНИЙ (Блум)

Все верующие в наше время — и те, которые родились в православии или в иной вере, и те, которые обрели веру после периода неверия, активного или пассивного безбожия, — все находятся перед вопросом, сама жизнь обращается ко всем с вопросами. И поэтому первая тема, о которой я хотел бы сказать и над которой мне хотелось бы подумать вместе с вами, это тема о вопрошании: о законности вопрошания, о том, чего требует добросовестное вопрошение, и вопрос о сомнении. А это нас должно подвести к вопросу о вере, о ее существе и о том, как можно жить по вере.

В спокойные периоды истории вопрошение занимает относительно малое место. Большинство верующих верует самотеком, как их учили дома, как их учили в школе. То, как вся обстановка их обучает или поддерживает их веру, является достаточным основанием для веры. В наше время этого недостаточно. Те из нас, у кого есть крепкая, сознательная вера, постоянно встречаются с вопрошанием других людей, и, как апостол Петр говорит, мы должны быть в состоянии каждому дать ответ (1 Пет. 3, 15). Дать ответ с любовью, с благоговением, дать ответ во спасение, но такой ответ, который был бы убедителен. А ответ никогда не бывает убедительным, если все его составные части взяты из цитат либо из Священного

Мария Вишняк.

Митрополит Антоний (Блум). 1994 г.

Писания, либо из какого-нибудь другого источника — из святых отцов, из наставлений духовных писателей. Убедителен тот ответ, который человек может дать изнутри собственного опыта. Пусть этот опыт будет зачаточный, пусть он будет несовершенный, но он должен быть личный. Отвечать на чужой вопрос: "Так говорят другие" — не стоит. И без нас люди знают, что другие "как-то так" говорят.

Поэтому вопрошение, когда его нет в нас самих, до нас доходит — доходит криком, мольбой других людей. С другой стороны, у всякого верующего — порой или внезапно, очень резко, мучительно, или постепенно — зарождаются какие-то вопросы, и эти вопросы могут превратиться в сомнения. Разница между вопросом и сомнением заключается в том, что воп-

¹ Беседа в лондонском приходе осенью 1990 г. Публ.: "Пути христианской жизни".

Вопросы и ответы взяты из разных бесед.

рос открыт. Человек, который чего-либо не знал, который не задумывался над чем-либо, ставит этот вопрос перед собой. Жизнь ставит этот вопрос, обстоятельства его ставят, или он вырастет из глубин души.

Сомнение имеет другое свойство. Сомнение заключается в том, что нечто, прежде казавшееся нам достоверным, несомненным, простым, вдруг перестает быть простым, перестает быть несомненным, ставится под вопрос. Но если в первом случае, в случае простого вопрошания, речь идет о неизвестном и поэтому не ставит нас самих под вопрос, то когда рождается сомнение, оно нас ставит под вопрос и ставит под вопрос также и то, во что мы верили. И нам надо научитьсяправляться и с вопросом, и с сомнением.

Первое, на чем я хочу настоять, это то, что каждый раз, когда в нас рождается какой-либо вопрос, связанный с нашим мировоззрением, связанный с нашей верой, с нашим представлением о Боге, о человеке, о себе, мы должны радоваться и благодарить за это Бога. Это значит, что мы переросли какую-то предыдущую стадию нашего развития, когда вопроса не существовало, потому что мы еще не доросли до него, а теперь он перед нами стоит ясно, ярко и нам дает возможность вырасти в новую меру внутреннего нашего развития. Сомнение, как я только что сказал, другого свойства. Сомнение — это момент, когда ставится под вопрос то, во что я верил раньше, то, что мне казалось несомненным, простым. И очень часто верующие пугаются сомнения. Почему? Потому что им кажется, будто при сомнении в чем-либо, относящемся к Богу, к мировоззрению, к человеку, к жизни, ставится под вопрос самая жизнь, самая вера в человека, самая вера в Бога, колеблется наша уверенность в том, что мы стоим как бы на камне, что под нами не шатается земля. И вот тут мы должны научиться с умом, со смелостью и со смирением отно-

ситься к вопросам, которые нам ставит наше внутреннее сомнение. Слово "сомнение" значит, в сущности, что в нас раньше было одно мнение, одно представление о вещах, а теперь выросло второе, которое сопоставляется с первым, и тот простой ответ, который у нас был в душе, двоится.

Я хочу перед вами провести очень простую, несложную параллель. Когда ученый, занимающийся физикой, химией или иной наукой, собрал сколько мог разрозненных фактов (это может относиться также к истории и философии), он старается законно их собрать в одно целое, то есть их собрать так, чтобы они не были разрознены, а представляли нечто цельное. Если ученый добросовестный, то, собрав факты, которые ему известны, в определенную модель, в стройное взаимное соотношение, первым делом он поставит вопрос: не сделал ли я какой-нибудь логической ошибки? Действительно ли мое построение соответствует совокупности фактов? Второй вопрос: не пожертвовал ли я какими-нибудь данными ради того, чтобы цельность всей структуры не была разрушена? Третье действие добросовестного ученого будет заключаться в том, чтобы сказать: да, все собранные мною факты гармонично включены в эту структуру, в эту модель. Теперь для того, чтобы наука шла вперед, мне надо искать данные, которые еще не уложились в ту картину, которую я создал. То есть искать такие факты, которые как бы взорвут созданную мною модель, взорвут структуру, которую я создал, потому что только тогда она может раскрыться, расшириться и мое мировоззрение, мое представление о вещах достигнет большей ценности и большей полноты. Если же ученый этого не делает, он сохраняет определенную модель, которая рано или поздно устареет.

То же самое могли бы говорить и мы, если бы были достаточно честны, смелы, вдумчивы, о наших сомнениях, относящихся к вере. И когда я говорю о вере, я

говорю обо всем, что касается Бога, сотворенного Им мира, человека, взаимных отношений, внутренней и внешней жизни — всего. Потому что большей частью, когда человек рождается в вере, то есть когда он просто рождается в христианской семье, которая его обучает вере раньше, чем он еще успеет создать или поднять какие-нибудь вопросы, он остается в течение очень долгого времени, порой в течение всей жизни, в состоянии умственного детства. Его представления о Боге, о жизни, о человеке, о творении никогда не перерастают тех представлений, которые были ему навязаны или предложены в детстве. Но он растет в других отношениях, он встречается со школой, с университетом, он встречается просто с людьми инакомыслящими, у которых есть вопросы, не обусловленные их детским воспитанием, — и вот тогда начинается внутренний конфликт. Взрослеющий юноша, который имеет в себе только детские представления о Боге и о путях Божиих, сталкивается с этими представлениями, и они для него больше недостаточны. И очень многие теряют веру, не потому, что вера несостоятельна, а потому, что их представление о вере или о содержании веры является представлением ребенка, тогда как их ум и общее развитие далеко превзошли эту стадию. Для тех, кто родился в вере, для людей, которые были верующими как бы изначально, тут очень важный вопрос о *вопрошании*. Очень легко пройти через всю жизнь, закрыв глаза и уши на вопросы, которые ставятся другими людьми. Эти вопросы ставятся ими не только для себя, они ставятся людьми для нас. И каждый раз, как мы встречаемся с каким-нибудь вопросом, мы должны остановиться и себя спросить: есть ли у меня внутренний опыт, изнутри которого я мог бы ответить на этот вопрос, или же, наоборот, у меня нет никакого содержания, а только ответы, которые я получил извне?

Если мы встречаемся с верой не в детстве, а в какой-нибудь другой момент, когда мы уже созрели в значительной мере, то откуда мы ее встречаем? Мы знаем из Послания апостола Павла, что *вера от слышания, а слышание от слова Божия* (Рим. 10, 17). Да, действительно, в эпоху апостольскую люди, изверившиеся в язычестве, слышали живое слово, которое им открывало новые глубины и раскрывало их души к вечной жизни. Это было Божие слово, доходившее до них через проповедь апостолов: это была не философская проповедь, она зиждалась не на умственных хитросплетениях, она была проявлением и раскрытием какой-то внутренней духовной силы. Есть место в Евангелии, где то, что говорил Христос, показалось слушавшим невозможно, слишком тяжело вместить, и многие начали уходить. Спаситель обратился к Своим ученикам: не хотите ли вы уйти тоже? И Петр от имени других ответил: куда же нам идти? У Тебя глаголы *вечной жизни* (Ин. 6, 66-68). Что это значит? Христос ни разу в Евангелии не говорил о вечной жизни описательно. Он говорил о вечной жизни внутри человека, Он говорил о Боге, но Он не говорил о том, каково будет после смерти или по окончании мира. Что же имел в виду апостол Петр? Я думаю, он хотел сказать: когда Ты говоришь, Твои слова касаются в каждом из нас какой-то глубины и зажигается вечность в нас. Такова была, думаю, и проповедь апостолов. Она была обращена к людям, которые изголодались, которые изверились, и когда доходила до них проповедь о Христе, о том, Кто Он, что Он говорил, эта проповедь произносилась людьми, которые сами были перевернуты этой проповедью, преображенны, изменены. И это изменение, преображенность апостолов превращала их слова в силу и в жизнь.

Мне помнится, мой духовный отец как-то мне сказал: никто не может отказаться от земного и взойти в вечную жизнь,

если он не увидит в глазах или на лице хоть одного человека сияние вечной жизни... Если мы не встретили ни одного человека, из которого хоть брезжит свет вечности, наша вера еще очень слаба. Это может быть легковерие, это может быть желание держаться хоть за что-то, но это не та творческая и преображающая вера, которую мы видим в апостолах и в первом поколении христиан. Поэтому первое, что случается, это встреча с живой верой живого человека, из которого сияет свет вечности, из которого идет слово, несущее в себе силу рождать в нас или, вернее, возбуждать, пробуждать ту вечную жизнь, которая заложена в нас Богом еще при нашем сотворении. Мы можем поверить человеку и можем поверить Христу только тогда, когда мы можем сказать: то, что ты говоришь, звучит истиной, и охватывает меня радостью, и раскрывается передо мной как красота. Еще Платон говорил, что красота — это убедительная сила истины. И мы можем принять веру, которая нам передается другим человеком, лишь постольку поскольку отзываемся на нее внутренним ответом. Это может случиться через чтение Евангелия, это может случиться через встречу с человеком, который нам является сияние вечной жизни, но это должно стать личным опытом. Пока вера не стала хотя бы в какой-то мере личным опытом, она является только одним из возможных мировоззрений, но спасительной, решающей для жизни силы она еще не имеет.

Вспомните, например, рассказ о том, как Христос исцелил человека, слепого от рождения (Ин. 9, 1-41). Что случилось? Христос ему открыл глаза. И что увидел этот человек? Первое, что он увидел, это глаза Бога, ставшего человеком, глаза Божественного сострадания, Божественной любви, Божественной кротости, лик Богочеловека. Это было первое и первичное для него откровение. Дальше ему пришлось встретиться с большой сложнос-

тью первохристианской общины, но от первой встречи он никогда не мог уйти: он видел, он знал на опыте.

Мы все в какой-то момент, бывает, что уловим, переживем. А потом это куда-то уходит. Есть другое место в Евангелии от Матфея, где Христос после Своего Воскресения говорит ученикам: *Пойдите в Галилею, там вы Меня встретите* (Мф. 28, 10). Казалось бы — зачем им идти в Галилею встретить Христа, когда Он тут с ними? Какая еще встреча может быть? Но если задуматься над этими словами, то мы можем себе представить, как мне было сказано одним священником, что Галилея — это то место, где они впервые встретили Христа. Если мы посмотрим на карту, мы увидим, что Капернаум, Кана Галилейская, Вифсаида — все эти места находятся в немногих километрах друг от друга. Апостолы, конечно, друг друга знали, может быть, детьми, подростками, юношами. И шаг за шагом они узнавали во Христе, в Иисусе из Назарета нечто, чего, они раньше ни в ком и никогда не видали. Постепенно перед ними раскрывалась личность Христа, и раскрытие это завершилось тем, что, в конечном итоге, они в Нем узнали своего Учителя, своего Наставника и оказались готовы за Ним идти, куда бы Он ни пошел. Это было время первой встречи, не затуманенной ни гонением, ни сомнением, это была весна новой жизни, вешние воды. Потом пришли трагические годы в Иудее, но то были годы расцвета. И Христос захотел встретить Своих учеников там, где совершилась первая их встреча, еще не затмленная, не трагическая, где все было свет и где постепенно раскрывалась для них личность Христа. Там они могли уловить вновь все то, что они познали раньше о Спасителе.

И в каждом из нас есть такая Галилея. Каждый из нас может, если задумается глубоко, если неспешно возвратится в свое прошлое, уловить то мгновение,

когда вдруг он почувствовал свою весеннюю свежесть, свою первозданную красоту, когда мог ощутить, что Бог так прост, так близок, что все имеет смысл и все возможно. Потом это тускнеет, потом мы это теряем, но если мы могли бы относиться к своему собственному прошлому внимательно, мы могли бы все это снова обнаружить.

Но одновременно мы живем в обществе людей, из которых каждый знает Бога по-своему, а вместе с тем Бог-то один, Тот же самый. И поэтому, если говорить о том, как мы познаем Бога и как мы Его знаем, можно сказать: я тебе могу сказать о Боге нечто, что я знаю, а ты мне скажи то, что ты знаешь, и сообща мы Его познаем глубже, шире, лучше и благоговейнее. И в этом, может быть, смысл общинной жизни христиан. Каждый знает Бога, а вместе, делясь своим опытом не только в разговоре, но в общкой молитве, в общении сердец, душ, мы друг с другом делимся и приобщаемся друг ко другу.

Приходит момент, когда мы действительно истощили, исчерпали все, что знаем сами, и все, что нам может сказать наш ближний и даже Церковь. И тогда остается одно. В Евангелии нам говоритя, что Бога никто не видел, знает Его только Единородный Сын Божий, находящийся в недрах Отчих (Ин. 1, 18). В конечном итоге мы должны идти ко Христу, к Нему устремляться, в Него взглядывать, в Его слова вслушиваться и безмолвствовать в Его присутствии, так чтобы таинственно приобщиться тому, Кто Он и что Он нам может открыть за пределом всяких слов о Боге и о нас самих.

Но я сказал раньше, что в какой-то момент тускнеет наше живое чувство, живой опыт. Где грань между опытом и верой? Вера определяется в начале 11-й главы Послания к Евреям как *уверенность в вещах незримых* (Евр. 11, 1), то есть внутренняя уверенность: то, чего мы не можем

органами чувств познать, остается правдой. В этом смысле слово "вера" относится не только к Божественным предметам, к Богу Самому. Вера относится также, как уверенность в незримом, к красоте, к любви, ко всему тому, что мы переживаем опытно, о чем мы можем вторично говорить, но что мы не строим логически, а получаем как непосредственное переживание, опыт и знание. Но есть место у святого Макария Великого, где он старается определить грань между живым, непосредственным опытом и верой, которая из него проистекает. И он дает пример: представьте себе, что вы лежите в лодке, которую качает море. В это время у вас есть живой опыт моря, которое вас несет, волн, которые вас качают, неба, которое широко расстилается над вашей головой, звезд, всего. Вы лежите и все это опытно знаете. Но потом начинается отлив, и вдруг лодка оказывается на песке. У вас больше нет живого непосредственного опыта того, что вы пережили, но никто у вас не может отнять уверенность, то есть опытное знание того, что с вами произошло. Вы знаете, что такое море, вы знаете, что такое колебание волн, вы знаете, что такое высокое бездонное небо и звезды, — все это вы знаете. Это уверенность в том, что перестало быть предметом вашего чувственного опыта. И вот здесь вы должны помнить, что вера заключается не в том, чтобы голословно поверить сказанному нам, а в том, чтобы, хоть частично, хоть сколько-то пережив нечто, сохранить это в нашем опыте как уверенность. И дальше — вырастать вопрошанием, сомнением, если нужно, и расширением нашего опыта в веру, которая заключается в уверенности в пережитом, в верности тому, куда это ведет, чего это от нас требует, и является также и знанием того, что раскрылось нам через этот опыт.

На этом я кончу свою беседу, и, если у вас есть какие-нибудь вопросы, мы можем ими заняться некоторое время.

Ответы на вопросы

Зачем нужна Церковь, когда каждый из нас в отдельности может предстоять перед Богом, молиться, читать Евангелие, учиться у Христа тому, как надо жить, — и жить соответственно?

Это вопрос важный. Конечно, всякий человек является неповторимой личностью, каждый человек может стать перед Богом, как будто он *один* только на свете и есть. Каждый человек может познавать Бога так, как *никто* другой не может Его познать, потому что всякий человек неповторим. Поэтому он может и молиться, и учиться у Спасителя Христа из Его примера и из Его слов, он может жить достойно Евангелия, в доступной ему мере, — но этого недостаточно. Для того, чтобы так жить, надо принять решение, которое принимали пустынники: уйти, уйти из человеческого общества, уйти вдаль, в пустыню, в лес и там стоять лицом к лицу с Богом в себе, в предельном одиночестве. Но поскольку мы живем в человеческом обществе, мы не имеем права выключаться из него. И вот тут встает вопрос о том, что такое Церковь и что такое общество.

И Ветхий Завет, и Новый Завет, и отцы Церкви нам говорят о том, что человеческое призвание в основе своей заключается в том, чтобы *все* сотворенное Богом освятить, приобщить к Божественной жизни, превратить в святыню. Каждый из нас это может сделать над самим собой, но только совместным трудом мы можем это произвести со всем миром. Церковь — это удел Божий, это союз людей, которые услышали, что они призваны воссоздать мир таким, чтобы в нем был простор и для человека, выросшего в полную меру своего достоинства, и для Самого Бога, соединившегося с людьми. Мы все, и верующие, и неверующие, вместе должны строить

град человеческий, земной град, это град, который человеческими силами можно построить только как город, в котором всем выносимо жить, город, в котором люди друг друга не травят, град, в котором можно всем уместиться, если только потесниться немножко, — и этот град слишком мал для всего роста человеческого. Человек должен строить град, который его превышает. Град человеческий должен стать градом Божиим, то есть таким градом, первым гражданином которого мог бы быть Господь наш Иисус Христос, единственный Человек, Который достоин этого звания, потому что Он является одновременно Богом воплощенным.

Поэтому Церковь является обществом людей, которое в этот мирской град сообща, общими усилиями, тем, что *они* являются уже Божиим уделом на земле, вносят измерение, которого не может иметь этот град, пока Бог в него не вступил, а Бог может вступить в него, только если Он призываем. Бог насильно не вторгается в человеческую жизнь, но Он входит куда бы то ни было, где найдется живая душа, которая скажет: *Приди, Господи, и приди скоро!* (Откр. 22, 17, 20). Вот в этом отношении Церковь является как бы авангардом Царствия Божия, является группой посланников, которые друг друга поддерживают, друг другу помогают, призвание которых — сделать святыню из поруганного и изуродованного мира. И в этом отношении отдельный человек не может собой заменить всю тайну Церкви, всю тайну общества, которое построено по образу Святой Троицы: общества, о котором Хомяков говорил, что Церковь — организм любви¹. Это живое тело, которое живет только любовью, но любовью жертвенной, лю-

¹ См., напр.: "По поводу одного окружного послания". Хомяков А. С. Богословские сочинения. СПб: Наука, 1995, с. 120.

бовью, которая хочет все превратить в царство любви и бесконечной, бездонной радости.

Почему в церковной песне человек призывается благословить Господа в звании раба: "Се ныне благословите Господа еси раби Господни"?

Я думаю, спор тут только в словах. На славянском языке слово "раб" не значит то, что оно значит после крепостного права на Руси. На греческом языке и во всей древней культуре "раб" — собирательное слово, которое значит — слуга во всех его видах и во всех степенях, от самого униженного раба до домоправителя, который имеет, пожалуй, даже больше власти, чем хозяин, потому что он всем правит и над всем имеет высокую руку. Я думаю, что тут антиномия в формулировке; конечно, мы сыны пока еще лишь по призванию. Я бы сказал: слава Богу! — потому что, если все, чего можно достичнуть, — это то, что ты, да я, да мы сейчас можем явить, если вся полнота сыновства могла бы быть изображена в каждом из нас, какие мы сейчас есть, было бы очень печально и, действительно, Царство вечное было бы тоской неизмеримой. То есть сыновство уже есть здесь как взаимное отношение с Богом, мы для Него — родные дети, Он для нас — родной Отец, это правда, но, с другой стороны, мы должны вырасти в меру этого сыновства, стать такими, каков Христос, какова Матерь Божия: это мера наша, не меньше. И вот здесь антиномия: действительно, пока что на земле все двойственны, мы уже в вечности — и мы еще во времени, мы уже в Царстве Божием — и мы еще в царстве мира. Мы еще рабы и слуги, потому что по психологии мы ведь боимся наказания, надеемся на награду, а не только любим так, чтобы все было легко совершить по любви, а вместе с этим мы уже дети родные, свои Богу.

Могут ли житейские обстоятельства содействовать нашему обращению к Богу? Ведь блудный сын вернулся в первую очередь за едой...

Разумеется! Если бы блудный сын не оказался голодным, одиноким, брошенным и несчастным, он бы не вернулся. Несомненно, что все человеческие обстоятельства играют роль в нашем внутреннем становлении, несомненно также, что Ветхий и Новый Завет правы, когда на словах и на примерах поясняют нам, что надежная обеспеченность в конечном итоге разделяет нас от Бога и мы нуждаемся в некоторой степени внутренней неуверенности, чтобы не отяжелеть. Вспомните выражение Священного Писания: утучнел и оставил Бога (Втор. 32, 15). Когда мы тучнеем, когда вокруг обстановка спокойная, уютная, без проблем, мы ничего не ищем. Между разумом и сердцем человека есть разлад: сердце всегда не удовлетворено, потому что заполнить его может только Бог, ум же может удовлетвориться малым и до края заполниться тварным содержанием. Это одна из причин, почему столь многие люди, зрелые в интеллектуальном отношении, но без внутренней зрелости, бедные сердцем, не испытывают никакого побуждения искать Бога, они богатеют количественно, а вместе с тем где-то на большой глубине чувствуют пустоту и страх. Это выливается в психологические проблемы, в трудные взаимоотношения с людьми. Разрешение этому можно найти только перед лицом Божиим, переросши непонимание, бесконечного возраста в поиске Того, Кто есть.

С этой точки зрения, обстоятельства жизни сыграли огромную роль после русской революции для целого поколения, она сделала возможным новое откровение. Когда мы оказались перед лицом радикальной необеспеченности, потому что завтрашнего дня не было — не было ни верного куска хлеба, ни крыши, не

было элементарной уверенности, знания, что наша жизнь не в опасности каждый день, — тогда совершенно по-новому мы открыли Бога, явленного во Христе. Он оказался не Богом величественных соборов, великолепных богослужений, когда это величие отделяло нас от того, что составляло самую глубину богослужения. Мы обнаружили, что во Христе Бог проявился уязвимым, беззащитным, пораженным, униженным и презренным, и в этой ситуации Он проявился как любовь, воплощенная в Своей солидарности с падшим миром в его падении, его слабости. Мы обнаружили, что у нас Бог, Который не стыдится нас и перед Которым мы можем не стыдиться, потому что и Он стал бездомным, Он стал одним из тех, кого не принимают в приличном доме, Он стал "подонком", человеком со дна жизни. И это оказалось для нас чудесным откровением: Бог, Который не ждет, чтобы мы рядились перед Ним, Бог, Который не требует, чтобы мы выглядели "приличными людьми", Который принимает нас такими, какие мы есть, и более того, приспосабливается к нашему бедственному состоянию, принимает его, разделяет его без стыда, без колебаний, этот Бог не отворачивается от нас и тогда, когда мы пали так низко, как только можно пасть. Пьяница может не стыдиться Христа, вор может не стыдиться Еgo, гулящая женщина может не стыдиться Христа, она может стыдиться себя, но только не Христа! Он умеет любить на таком уровне глубины и солидарности, что стыдно становится не Его; Он нам открывает через веру, которой Бог, во Христе, верит в нас, что мы имеем право и обязаны верить в самих себя, и значит, мы можем в любой ситуации вырасти в меру нашего призыва.

Так что сами обстоятельства создали для русских эмигрантов благоприятные условия для возвращения к Богу. Очень многие, когда ничего не осталось ни от

Родины, ни от семьи, ни от общественно-го положения — ни от чего, что составляет человеческую жизнь, когда осталось только острое страдание, обнаружили что Бог с ними, что только Он их не предал, не оставил.

Но чтобы найти Бога, недостаточно быть голодным, холодным, одиноким! Надо, чтобы где-то в нас осталась способность повернуться в сторону Бога. Блудный сын смог обернуться к отцу, потому что в его жизни была любовь отчая и были отношения с отцом. Вот почему наша ответственность очень велика в отношении всех тех, кто не может повернуться к Богу, потому что *мы* никогда не явили им Бога! Тысячи, тысячи людей могли бы повернуться к Богу через Церковь, через христиан или непосредственно, если бы в какой-то момент христиане, отдельный христианин, Церковь им открыли видение Бога, тогда как на деле очень часто причина, почему люди не могут верить в Бога, — это именно *мы*! Если все, на что способен Бог, это создать *таких* людей, то уж нет, спасибо! Если Бог удовлетворяется таким дурным обществом, чего ради мне примыкать к нему? Чего мне искать в мире, принадлежащем Богу, если христиане таковы?

Правомочно ли выражение: Бог его наказал, меня наказал, или оно уводит куда-то в сторону?

Мы употребляем слово "наказал" в современном смысле, беря его из славянского, где оно значило "наставил". "Отдать наказ" не значит наказать в смысле "покарать" кого-нибудь, а — "дать указание". Бог действительно может допустить, чтобы на нас пали все последствия того, что мы делаем или чем мы являемся, потому что нет другого способа заставить нас опомниться. Если мы бросали бы кирпичи над головой, и Бог каждый кирпич останавливал в воздухе, мы никогда не дознались бы, что кирпич

может на голову упасть. (Простите, это мой род богословия, это мой уровень.) И мне кажется, что если что-то случается, то не потому, что Бог говорит: вот, Я тебе задам! У моей мамы был воспитатель, который говорил: "Ксеничка, смотри: Бог терпит, терпит, да как хлопнет!" В это я не верю, но верю, что, когда мы сами отказываемся понять, Он нам говорит: хорошо, тогда пойми из опыта. Кирпичей мы не бросаем, но мы многое другое делаем похуже, что возвращается на нас ответной волной.

У нас тенденция приписывать Богу не свойственные Ему действия, активные свойства, которых Он не употребляет: будто все — дело Божие. В Англии можно застраховаться от того, другого, третьего, четвертого, а потом идет графа, что страховое общество берет — или не берет — на себя ответственность за acts of God, а именно — землетрясение, пожар, молнию, то есть такие пакости, которых человек не делает. Меня это всегда шокирует, но такой подход очень характерен: значит, Бог наслал: "Ах ты! Вот тебе молния, вот тебе пожар!"

Мне кажется, что Отцы были правы, когда говорили, что события зависят от сочетания трех воль: Божия воля — всегда благая, всемогущая по существу и ограниченная той свободой, которую Бог дал Своей твари; воля темных сил, бесовская — всегда злая, но не всемогущая, хотя способная действовать лестью, ложью, обманом, чем угодно; и посередине — человеческая воля, способная склониться либо на зов или мольбу Божию, либо на лесть дьяволю ввести те или другие события в жизнь. Эти три воли комбинируются; Бог, конечно, участвует, но не определяет односторонне. Бес тоже не участвует как односторонняя всемогущая сила. В конечном итоге, у человека есть ужасная сила: он всегда может сказать "да" злу и "нет" добру и ввести то или другое.

В наши дни часто люди ищут "собственного", какого-то "нового" Бога...

Отвечу просто: если ты понял, что нужно искать настоящего Бога, — ищи и действуй прямо! И не заботься ни о чем — остальные последуют за тобой!

Какого Бога нам следует искать? Бога Живого! Мне кажется, что выражение "собственного нового Бога", с одной стороны, верно, потому что ищащие сегодня, молодые или не очень, христиане или нехристиане, ищут образ Бога, представление о Боге, который не вполне совпадает с образом Бога, какой предлагает катехизис. Скажу честно; я благодарю Господа за то, что молодежь ищет Бога, который не такой узкий, незначительный, как тот образ, который мы им предлагаем! Это верно не только на уровне катехизиса, на минимальном уровне, когда мы довольствуемся тем, что воспитываем блеющих овец, но и на более глубоком уровне. В IV веке святой Григорий Богослов говорил, что, когда мы собрали из Священного Писания, из Предания и из опыта Церкви все, что можно знать о Боге, и выстроили все это в целостный образ, то, как бы он ни был прекрасен, мы построили идол, потому что, стоит нам создать образ Божий и сказать: "Посмотри, вот твой Бог", мы превращаем Бога Живого, динамичного, непостижимого, бесконечного глубокого Бога в нечто ограниченное, имеющее человеческий масштаб. Ведь все, что открыто, имеет человеческий масштаб, другого в откровении нет, в противном случае оно было бы или бесконечно величие, или бесконечно малое, такое, что мы не можем этого уловить. Все, что мы знаем о Боге, принадлежит вчерашнему дню, не сегодняшнему и не завтрашнему. Я хочу сказать этим, что я не могу поставить перед собой все, что я на данный момент знаю о Боге, чтобы поклоняться Ему: это — прошлое, это грань между моим настоящим и моим будущим. Бог, перед Которым я встаю в поклонении и

молитве, это Тот Бог, знание Которого привело меня к Нему, но я стою перед Богом, мне еще неведомым. Мне не надо оборачиваться назад и вглядываться еще и еще в мои воспоминания о Боге: я ищу встречи с Богом, каков бы Он ни был, я стою перед тайной Бога, а не перед знанием о Нем, с трудом приобретенным за прошедшие века.

Когда люди говорят, что ищут "нового" Бога, в каком-то смысле они не правы, потому что Бог не бывает новым в том смысле, что Он не отличается от Себя Самого, — Он новый для них. Есть несомненное обновление видения Божия, есть расширение восприятия, отказ принимать идола вместо тайны, отказ довольствоваться фразами, тогда как опыту Бога Живого соответствует только молчание и поклонение. Когда мы упорно твердим людям: "Уже сотни лет назад открыто, кто такое Бог, я вам объясню", так ли не правы они, когда отвечают: "Если бы вы Его знали, это было бы очевидно. По вам этого не видно". Если бы кто-то из нас действительно был откровением Христа, можно было бы сказать: "Я видел лик Христов". Вы наверно помните место из Послания, где апостол Павел говорит: мы видели великолепие славы Божией в лице Христа (2 Кор. 4, 5-6). Да, это так, и в этот момент это лицо — икона, откровение Христа. Если бы мы были подобным откровением, нам не нужно было бы описывать Бога на тысячу ладов.

В рассказах об отцах пустыни есть описание встречи одного из больших наставников с тремя монахами; двое задают ему бесконечные вопросы, третий молчит. Наконец старец обращается к нему и говорит: "А ты ничего не спросишь?" И тот отвечает: "Мне достаточно смотреть на тебя". Еще рассказ: монастырь должен посетить Александрийский епископ, братия просят одного монаха приветствовать его словом, но он отказывается. "Почему?" — спрашивают его. "Если он не по-

нимает моего молчания, он ничего не поймет в моих словах". Еще пример оттуда же. Юноша ушел из своей деревни в пустынью. В глубокой старости он слышит, что деревня сошла с пути Божия. Его охватывает сострадание, и он возвращается, вся деревня устремляется из любопытства к нему навстречу. Он останавливается, оглядывает всех и начинает плакать. Деревня колеблется, плачет и обращена его молчанием, тем, что видит! А что она видит? Любовь Божию, просиявшую перед их глазами в сострадании этого человека: он оставил покой пустыни, потому что не мог вынести мысли о том, что его братья потеряли Бога.

Вот где проблема. Мы никого не обратим тем, что будем придумывать новые модели Бога. Мы должны понять, в чем суть проблемы того, кто ищет и не может найти ответа на свой вопрос в нашей среде. Мы должны понимать его проблему глубже, чем он сам себя понимает. Христианин должен быть в состоянии измерить потерю сознания Бога глубже, чем ее смогли измерить эти люди, и дать им ответ. Тогда им не нужно будет искать нового Бога, им достаточно будет встать перед лицом Бога Живого, Которого нет нужды описывать, Которого, в каком-то смысле, нет нужды открывать, являть зренiu и разуму, достаточно *приобщать* Ему. И здесь целый мир, поле миссии среди тех, кто далеко за пределами (или много ниже пределов, это зависит от нашей точки зрения) содержания наших речей. Слова, возможно, потеряли значение, но выражать они должны опыт более подлинный, чем блеяние овцы.

Для родителей всегда острый момент: как способствовать сохранению в детях веры, как общаться?

Я думаю, что одна из проблем, которая встает перед подростком, в том, что его обучают чему-то, когда он еще маленький, а потом, когда он на десять или

на пятнадцать лет старше, вдруг обнаруживают, что у него и сомнения, и вопросы, и непонимание. Он перерос все то, чему его учили в детстве, а в интервале мы ничему его не научили, потому что нам в голову не приходило следить за тем, какие вопросы в нем рождаются, и обращать внимание на эти вопросы, относиться к ним всерьез, не просто "как же так ты это ставишь под вопрос?" Когда-то я привел к одному священнику в Париже студентку медицинского факультета, учившуюся вместе со мной, умную, живую девушку. Она мне говорила, что ни во что не верит, и я решил ее привести к священнику, потому что я тогда не дерзал вообще говорить о вере ни с кем (я обнаглел с тех пор). Она ему сказала: "Батюшка, я не верю в существование Бога". Он ответил: "Как же ты можешь не верить в существование Бога, раз Он тебя сотворил!" Она возразила: "То, что вы мне говорите, — сплошное идиотство!" Он глянул на нее и приказал: "Вон!" Это, конечно, крайний пример, но часто бывает, что, когда подрастающий ребенок нам ставит вопрос, мы на него не отвечаем. И не отвечаем, к сожалению, очень часто не потому, что мы невнимательны к нему, а потому, что нам нечего отвечать, мы сами никогда не думали.

Как-то я собрал группу родителей и детей, подростков. Взрослые ожидали, что я проведу беседу, буду обращать внимание на детей, а родители будут павами сидеть: они-де все знают. А я предложил детям: "Вот у вас есть вопросы — ставьте их своим родителям, и посмотрим, что они ответят". И родители ничего не смогли ответить. После чего реакция родителей была: "Как вы могли так с нами поступить! Вы нас осрамили перед нашими детьми!" А со стороны детей другая реакция: "Как было замечательно! Теперь мы знаем, что наши родители такие же, как мы!" Это же трагично. Если бы родители следили за вопросами ребенка и

прислушивались, не считали их "детским лепетом", вопросом, который ребенок, конечно, перерастет когда-то, то не оказалось бы внезапно: "Ой, что я могу ответить из моего опыта?!" А если вдруг обнаружишь, что тебе нечего отвечать, то, может быть, кто-нибудь другой может ответить? Может быть, кто-то другой об этом уже думал? И я уверен, что тут у родителей огромная ответственность. Они и сами заглушили эти вопросы (или жизнь им не давала время думать, это тоже бывает), и не следили за детьми в тот промежуточный период, когда можно было шаг за шагом с ребенком идти. Мы часто так делаем: ребенок учится в школе, мы вместе с ним учимся, чтобы ему помогать попутно. Но мы этого не делаем по отношению к вере. К Закону Божию — да: вот тебе катехизис, вот тебе Новый Завет, Ветхий Завет, все что хочешь; мы и сами, может быть, даже что-то знаем об этом. Но не в знаниях дело, а в том, какие вопросы у него встают, откуда они берутся. Некоторые вопросы берутся извне: товарищ сказал, или школа, или время такое, атмосфера общая, а другие вопросы встают вполне добросовестно: как это может быть? Я больше не могу в это верить! И часто нужно было бы сказать: хорошо, что ты больше не можешь верить в такого Бога, в Которого ты верил, когда тебе пять лет было. Потому что такого Бога и тогда не было, и не надо было тебе такого Бога как бы "подсовывать" — для удобства родителей, конечно.

Когда родители признают, что дети их верят в какого-то непонятного им Бога, это очень мало похвального говорит о родителях. Родителям, знающим своих детей, следовало бы попробовать понять, в какого Бога те верят. Это первое. Раньше чем давать ответы, надо было бы задуматься над вопросом. Часто — да, дети подрастают и начинают верить или, вернее, выражать свою веру, описывать свою

веру в таких категориях, которые нам чужды. Но нам-то надо их понимать, мы потому и взрослые. Вернее, будучи взрослыми, мы должны были бы быть в состоянии понять ребенка, продумать его вопрос, продумать, что за ним стоит, и себя спросить: вот мой сын, моя дочь верит в Бога такого-то. Каким образом под влиянием моего воспитания и сторонних влияний мог вырасти такой образ Божий? Что я могу на это возразить? Сказать: это ересь, неправда, ложь — очень легко, но это не ответ. У меня своих детей нет, но я, слава Богу, сорок первый год на этом приходе, и детей много повидал. И я думаю, что каждый раз, когда тебе дают картину: "Вот каким я представляю Бога", нельзя говорить: "Ой, нет! Он не такой!", а надо поставить вопрос: "Как ты до этого дошел? Как интересно! Объясни". Но мы не ставим вопрос так: "Ты мне объясни, потому что я не понимаю", мы сразу говорим: "Я тебе объясню, что ты не прав". А когда человеку говоришь, что он не прав, он сразу жестеет, конечно. Кому охота быть неправым всегда — потому что он маленький, а ты большой. И я думаю, что одна из задач нашего времени, когда все ставится под вопрос, именно вдуматься, вчувствоваться, взглянуться в вопросы, которые вырастают вокруг нас, и попробовать понять: откуда они берутся, как могло вырасти такое уродство? Или наоборот: может быть, он прав?

Это возможно, если с раннего детства устанавливать диалог, а не монолог. А если ребенок должен быть только ушами, а родители только голосом, то ничего не получается. Но если с самого раннего детства родители проявляли живой интерес: как ты мне интересен! Каждая твоя мысль интересна, весь твой опыт и все движения ума и души интересны, объясни, я не понимаю... Беда с родителями в том, что они почти всегда себя ставят в такое положение: я-де понимаю,

а ты не понимаешь... А если родители говорили бы (что просто правда): "Я не понимаю, ты мне объясни", — очень многое могло бы быть объяснено. Потому что дети с готовностью объясняют, что они думают, если не ожидают, что их тут же посадят и докажут, что они не правы.

Знаете, есть (я не помню, в книжке ли, которую отец Софроний написал о старце Силуане, или в одном письме, которые Силуан когда-то писал) рассказ о том, как один миссионер, живший на Востоке, с ужасом говорил, что никого не может там обратить. Силуан спрашивает: "А что ты делаешь?" — "Да вот, я прихожу в китайское капище и обращаюсь к молящимся: как вы можете молиться этим истуканам? Это же дерево, камень, металл. Сбросьте все это и поверните в Живого Бога, Которого я вам буду проповедовать". Силуан снова спросил: "А что тогда случается?" — "Они меня бьют и выкидывают вон из храма". Силуан тогда посоветовал: "Знаешь что, ты достиг бы большего, если бы постоял, послушал, как они молятся, посмотрел на их благоговение, а потом пригласил бы нескольких из них посидеть на ступеньках храма и сказал бы: вот я видел, как вы молились, как вы себя держали в присутствии Бога, расскажите мне о своей вере... И каждый раз, когда кто-то из них скажет что-нибудь, что очень близко к истине, скажи ему: как это прекрасно! Но знаете, одного не хватает в вашем представлении... — и прибавь одну крупицу христианского мировоззрения. Тогда они обогатятся и раскроются".

А когда человеку говорят: "Все, что ты говоришь, вздор" или: "Нечего мне от тебя узнавать", конечно, он закрывается. И я думаю, что часто с детьми так бывает. Я видел очень многих детей, которых именно так осаживали: "Какую белиберду ты несешь!" Ребенок никогда не несет белиберду, ребенок всегда очень серьезен. Но родители думают большей

частью, что если он не говорит их языком, не выражает их взглядов, то это вздор. Я не говорю, что ребенок всегда прав, — конечно, нет. Я говорю о том, что часто его вопрос или несовершенное представление, или то, как он видит вещи, — это дверь куда-то, а не запертая дверь.

Я думаю, что можно, не ставя вопросов, а просто сидя вместе, рассказать что-нибудь о себе, можно раскрыться сколько-то. Если ребенок, подросток на это отзовется критически или просто не захочет слушать, это не важно. Ты с ним поделился, он тебя будто не послушал, но он не мог не услышать, и где-то в памяти это задерживается. Я глубоко уверен, что в памяти задерживается такое, о чем мы не имеем даже представления. Я вам дам пару примеров. Я в детстве жил в Персии и говорил по-персидски. Уехали мы, когда мне было почти семь лет, попали на Запад, и через два года я не понимал и не мог сказать ни одного слова по-персидски. Меня отдали жить в лицей, и когда я ночью бредил вслух, сны видел, я бредил на персидском языке, на котором говорить не мог и которого не понимал. Значит, он где-то во мне был.

И другой пример, более для меня значительный: как то, почему научаешься в детстве, в течение жизни отлагается в человеке и не покидает его. Я помню такого певца Федорова, баса. Он умирал от рака, я его навещал каждый день, и каждый раз сестра милосердия мне говорила: "Зачем вы пришли? Он без сознания". Я шел к нему в палату, становился около него и — ну, слово "петь" ко мне не подходит, но каким-то образом произвоздил звуки, которые были направлены к тому, чтобы молебен спеть. Каждый раз он немного приходил в себя и к концу молебна еле слышным образом в нем участвовал. Потом пришел день, когда я его посетил, и по одну сторону кровати сидела его жена, по другую — дочь. Они только что приехали из Японии, не видели

его в течение нескольких месяцев. Они видели его в последний раз здоровым, а теперь он умирал, был без сознания. Я им сказал: "Сядьте рядом, я попробую его вернуть к жизни". Я встал на колени рядом с ним и стал, как умел, петь песнопения Страстной седмицы. И можно было видеть, как в нем поднимается сознание. В какой-то момент он открыл глаза, я ему сказал: "Повернитесь налево, здесь ваши жена и дочь. Проститесь с ними, потому что вы умираете". Они простились, потом я его перекрестил и сказал: "Теперь вы можете умереть мирно" — и он ушел в небытие и умер. Песнопения, которые он пел в течение всей жизни, так глубоко отложились в нем, что, когда он их слышал, они имели над ним такую власть, что вернули его к сознанию.

Я уверен, что, если бы мы говорили с детьми или с подростками, просто рассказывали бы им — слушают, не слушают — вещи, которые того стоят, делились бы с ними самым сокровенным, драгоценным нам опытом, это куда-то ушло бы в них. Когда это вернется — неизвестно, но это неважно. Времена и сроки не нам знать, подавать возможность всему этому отложить в душе человека мы можем. Скажем, у меня нет иллюзий, будто, когда я проповедую, то, что я говорю, доходит до каждого человека и пользу ему приносит. Но я уверен, что некоторые вещи, которые как бы через сито прошли, рано или поздно вдруг могут проснуться. Я мог бы издать целую книжку своих проповедей под названием "Собака лает — ветер носит", но дело-то в том, что собака лает — и это где-то застrevает.

И застrevает страшно интересно иногда. Я когда-то преподавал в Русской гимназии¹, и, помню, на моем уроке одна де-

¹ Русская гимназия в Париже, среднее учебное заведение, основанное группой русских педагогов в 1920 г., просуществовала до 1961 г.

вочки сидела и рыдала, причем не только от скуки, а, вероятно, что-то было другое. Когда мы выходили из класса, я остановил эту девочку и что-то ей сказал вроде "никогда не отчаивайся" и что-то еще. Она прошла. И она меня разыскала через двадцать пять лет, чтобы поблагодарить за то, что я ей тогда сказал. Значит, это куда-то пошло.

И так часто бывает, что слышанное где-то когда-то вдруг возвращается в нужную минуту как воспоминание, как картина, как способность что-то сделать, какое-то движение души совершить. Я думаю, что это страшно важно: именно — делиться, даже когда тебя не слушают, а не то что: "Сядь да слушай!"

Могут ли книги помочь, и какие? Я имею в виду детей.

Тут у меня большое затруднение в том, что я не был верующим ребенком. Для меня Бог не существовал до четырнадцатилетнего возраста, поэтому у меня нет никакого представления о том, что можно дать читать ребенку, чтобы ему открыть область веры. Я только знаю, что за последние лет шестьдесят мне приходилось заниматься с детьми самого разного возраста, и единственное, что можно сделать — это передавать им свое переживание о прочитанном. Причем можно читать на одном уровне и передавать на другом. Можно читать, скажем, Священное Писание, но не вычитывать его, как есть, потому что оно еле понятно, а рассказать рельефно, живо, как рассказ, как событие, а потом, когда ты рассказал своими словами так, чтобы это дошло, взволновало ребенка, можно предложить: "А теперь давай прочтем так, как Христос эту притчу рассказывал". И тогда ребенок делается способным эту притчу прочесть в Евангелии и в ней узнать все, что он пережил до того. Я это делал в течение ка-

ких-то шести лет, когда у нас была детская школа на русском языке. Я с детьми проходил воскресные чтения и другие отрывки Евангелия. Я сначала им рассказывал своими словами как можно более живо, выпукло, не перевирая ничего (то есть не прибавляя, не убавляя, но можно рассказать вещи очень разно). А потом у нас бывала дискуссия о том, как они это воспринимают, что это для них значит. А завершая дискуссию, я говорил: "А теперь прочтем" — и этот отрывок приобретал смысл в той форме, в которой он написан. Но если ребенку давать читать, скажем, "Закон Божий для детей" или "Катехизис" митрополита Филарета¹, который — гениальное произведение, но не для детей, или даже жития святых, которые часто написаны приторно или описывают такие невозможные и ненужные вещи, конечно, это их останавливает. То, чего они не могут воспринять, они выкинут, но они выкинут тогда все, они и святого этого выведут как бы за линию, потому что то, что о нем сказано, просто невыносимо.

А как быть с теми детьми, с кем нет возможности видеться? Допустим, у меня в России крестник...

Я отвечу сначала плоскостью: молиться о нем. Я называю это плоскостью, потому что это самоочевидно. Но, с другой стороны, действовать в зависимости от обстоятельств. Скажем, теперь можно ему писать, вероятно, легче, чем десять лет тому назад. Можно найти кого-нибудь там, кто бы им заинтересовался и с ним поделился чем-

¹ Первый русский катехизис Православной Церкви, составленный святителем Филаретом Московским — См.: "Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви". Разн. изд.

нибудь. Это уже вопрос другого рода.

Конечно, есть книги, которые можно дать читать. Скажем, для меня первичную роль сыграло Евангелие, потом жития святых. Но мне посчастливилось, я читал жития святых, которые не заключались только в рассказах о таких чудесах, в которые едва верится. Есть чудеса, в которые и "не верится" в каком-то смысле, но, знаете, со святыми дело так обстоит, что часто рассказываеться о том или другом событии, которого, может быть, и не было, но которое его характеризует, и в этом рассказе он весь, как живой. Есть, например, рассказ об одном из святых киево-печерских. Он как-то вечером сидел у себя в келье и услышал странные звуки в умывальнике. Подошел и видит: в умывальнике осталась вода, и в ней баражается бесенок. Он взял крест и положил на умывальник так, чтобы бесенок оказался под крестом. Бесенок пригнулся, только голова из воды торчит, и говорит: "Отними, отними этот страшный крест, мне страшно от него!" Святой отвечает: "Я отниму только при одном условии: что ты мне сейчас споешь ту песнь, которую ты пел, когда был светлым ангелом". — "Не могу, — говорит тот, — забыл!" — "Ну хорошо, — говорит святой, — я тогда тебя перекрещу". — "Нет, нет, не креши меня, я попробую!" И вот бесенок начал пробовать. Голос у него, конечно, был уже не ангельский, слов он уже точно не помнил, но со страху он начал вспоминать, сна-

чала кряхтел, потом постепенно слова возвращались, потом голос начал как-томягчеть, и в какой-то момент он вдруг всей грудью запел песнь, которую пел, когда был светлым ангелом, и вылетел из этого умывальника светящимся ангелом. Я не хочу сказать, что это исторический факт. Но я хочу сказать, что, когда это ребенку расскажешь, это до его сознания что-то доводит — хотя бы то, что этот чертенок, когда сделал попытку петь ангельскую песнь, через нее начал светлеть, и оживать, и меняться.

И масса есть таких рассказов. Я могу рассказывать без конца из житий святых, потому что я на них как бы воспитывался. И эти рассказы не тем меня интересуют, будто это история. Например, когда говорят: "Вы себе представляете: этот святой на расстоянии одиннадцати верст видел через стены своей кельи!" — меня это не волнует. Если он мог вообще видеть через стены своей кельи, двадцать верст или сто верст никакого значения не имеют. Есть рассказ из жизни французского писателя Вольтера. Какая-то благочестивая женщина хотела обратить его к вере и говорила: "Как же вы можете не верить в святого Дионисия Парижского? Его обезглавили в одном конце Парижа, и он, взяв свою голову, прошел через весь Париж и остановился на другом конце". И Вольтер ей ответил: "Знаете, в таких случаях только первый шаг труден".

СОВРЕМЕННИКИ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ

КЕЛЕЙНИК АРХИЕПИСКОПА КРЫМСКОГО ЛУКИ (ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО), СВЯТИТЕЛЯ И ИСПОВЕДНИКА

Протоиерей Петр ПНЕВСКИЙ,
г. Ростов-на-Дону

В 1949 году прибыл в Одессу архиепископ Крымский Лука. По велению архиепископа Никона мне предстояло быть его келейником. Прибыв в кафедральный собор ко всеобщной, Святитель прошел в нижний храм к Касперовской иконе Божией Матери с молитвой "Достойно есть...", приложился к чудотворному образу и проследовал в собор.

На всеобщем бдении перед выходом на полицей Владыка показал, как бинтовать ему отекающие ноги. Его оценка: "Забинтовал ноги хорошо".

По обычаю сосуд с елеем держит иподиакон. Архиепископ Лука сказал: "Дай мне сосуд с елеем, а то за каждым помазанием поворачиваю голову, и елей капает на ковер". Новшество Владыки втрое ускорило помазание. Архиепископ всех помазал елеем, а верующих был полный собор. Сие новшество Святителя Луки я передал всем знакомым архиереям, многие последовали ему какциальному. Уезжая из собора, я открыл ему заднюю дверь автомобиля. Владыка с улыбкой посмотрел на меня и сел в авто. Я быстро сел к нему с левой стороны и тут же разбинтовал его ноги, легко массажировал снизу вверх. Владыка Лука: "Я знал, что ты будешь врачевать мои ноги, так легко стало".

Посетил архиепископ Лука Одесский медицинский институт. Огромный зал был переполнен, в проходах стояли, приготовили ему трибуну. Я попросил стул. Он садится и говорит, показывая на меня: "Он жалеет мои ноги".

После часовой лекции на тему хирургии задавали ему вопросы об успешных операциях, называли проценты. Архиепископ ответил: "Самая сложная часть операции — подготовка, она определяет успех. На скальпель остается совсем немного". Меня хирурги спросили: "Какую молитву читает Владыка перед операцией?" Я тут же их вопрос передал архиепископу Луке. Последовал ответ: "От юности моей молитва веры — спутник всех дней жизни моей. Какую молитву вам избрать, решайте сами. Я могу только наставить: не читайте, а молитесь — Отче наш... Молитва Гос-

подня с Его святой волей — залог успеха наших добрых дел".

В том зале были все врачеватели Одессы, все вышли провожать архиепископа Луку. Это была благодарная дань за его беседу, простоту ответов своим коллегам.

Благодарю Господа за ту встречу со Святителем Лукой. Его святой образ зrim во всем:

- Что приготовить на обед?
- Что подадут.

Его ряса, подрясник — полотняные, туфли — серой парусины, взгляд очей — добрейший.

Зная мое почитание исповедника Божия Луки, мой сын, иерей Георгий, подарил мне икону Святителя — взгляд очей тот же. В "Журнале Московской Патриархии" за 1987 год — редчайший образ Святителя (заседание Синода). В 1954 году я еще раз встретился со Святителем Лукой, заочно. Вот как: волею Патриарха Алексия и по приглашению Митрополита Вениамина (Федченкова) я был назначен его секретарем в Ростове-на-Дону. Старостой кафедрального собора был Роман Донченко, я узнал, что он

нес ссылку вместе с архиепископом Лукой. Там архиерей-хирург Лука оперировал Романа, удалил пораженное туберкулезом легкое. Операция прошла благополучно, раны зажили. Но Роман чувствовал свой недуг и сказал Владыке: "Скоро мы расстанемся". На что архиепископ Лука ответил: "Ты проживешь много дольше меня". Пророческие слова Святителя Луки сбылись: Роман скончался через 17 лет после кончины Святителя, в возрасте 92 лет.

Это еще одна страничка в житии Святителя и исповедника Луки. Знал о сем Патриарх Пимен. Он хирургическую операцию, совершенную Святителем в тех условиях, именовал чудом. Также и предсказание Святителя — духовным видением.

Романа Алексеевича Донченко по велению Святейшего как-то привезли в Москву, он месяц жил на патриаршей даче в Переделкине (у меня сохранилось фото).

В кафедральном соборе я совершил отпевание раба Божия Романа. Патриарх Пимен прислал телеграмму соболезнования, именовав раба Божья Романа "угодником дома Божия" (вспоминая его труды по восстановлению собора).

Прошло 60 лет, а образ Святителя исповедника Крымского Луки время не тронуло. Он тот же перед нами — добрейший взгляд очей и святая простота.

На Богоявление совершал Божественную Литургию и великое освящение воды. А мне 1 января 2012 года исполнилось 85.

Публикацию подготовил протоиерей Александр Якушечкин

Храм Успения Пресвятой Богородицы в с. Недвиговка — место служения протоиерея Петра Пневского

Митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий поздравляет протоиерея Петра Пневского с днем Ангела

11 июля 2012 года митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий посетил храм Успения Пресвятой Богородицы с. Недвиговка и поздравил его почетного настоятеля, старейшего клирика Ростовской-на-Дону епархии протоиерея Петра Пневского с Днем Ангела. Владыка Меркурий преподнес в дар имениннику икону с памятной надписью. Правящий архиерей осмотрел Успенский храм, территорию, прилегающую к нему, а также часовню в честь святой равноапостольной великой княгини Ольги. Высокопреосвященнейший владыка принял решение совершить 22 июля сего года в Успенском храме Божественную литургию, по окончании которой освятить часовню.

Протоиерей Петр Пневский родился в 1927 году, рукоположен в священный сан — в 1969 году. В 1964-1966 гг. отец Петр являлся личным секретарем митрополита Вениамина (Федченкова), в 1976-1982 гг., при архиепископе Ростовском и Новочеркасском Иоасафе (Овсянникове), нес послушание секретаря Ростовского епархиального управления. Во время обучения в семинарии протоиерей Петр Пневский познакомился с архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким), а также с игуменом Пименом (Изиковым) — будущим Патриархом Московским и всея Руси. Протоиерей Петр Пневский по сей день совершает богослужения в храме Успения Пресвятой Богородицы.

МИЛОСЕРДЦЫ

ЗЕМСКИЙ ВРАЧ МАРИЯ ШЛЕЕ-ЛЮСТИХ (1857 — после 1928)

Валентина Викторовна КОМИССАРОВА

Образ Марии Матвеевны сформировался неспешно: по коротким строкам давних газет, справочников, архивных документов. Однажды в старинных метрических книгах за 1888 год встретилась запись о рождении Николая Шлее. При крещении младенца в Симферопольской римско-католической церкви присутствовали близкие родственники, в документе сохранились их имена. Восприемниками записаны "кандидат прав Матвей Шлее и девица доктор медицины Мария Шлее".

Необычное для нынешнего времени сочетание слов "девица" и "доктор медицины" вызвало невольную улыбку и вместе с тем искреннее уважение к обладательнице этого титула. Интерес, появившийся к деятельности особе, не угасал многие годы. Выяснилось, что Мария Матвеевна была известным врачом, принимала участие в организации благотворительных мероприятий, имела высокий авторитет.

Мария Шлее родилась 14 ноября 1857 года в Симферополе. Медицинское образование она получила в Швейцарии: в 1886 году окончила Бернский университет [1]. После специализации в Николаевском военном госпитале Санкт-Петербурга Мария Матвеевна вернулась в Крым. Она приняла приглашение Симферопольского земства и с 1 июля 1887 года стала работать земским врачом. В октябре Симферопольская уездная управа

Мария Шлее-Люстих.
1901 год

ва докладывала земскому собранию об изменениях в составе медицинского персонала: "В настоящем году из числа врачей Симферопольского земства выбыли врачи Жежеленко и Ходжаш. Управа пригласила на их место женщину-врача Шлее и врача Билинского".

На земскую медицину возлагалась задача оказания медицинской помощи сельскому населению. К Симферопольскому уезду относились Бахчисарай, Северная Сторона (посёлок под Севастополем), Симферополь, Карасубазар с прилегающими к ним деревнями. В 1883 году эту обширную территорию (за исключением городов) разделили на три участка, и уездная управа содержала в штате трех земских врачей, которые оказывали населению различные виды медицинской помощи, включая хирургическую, акушерскую, стоматологическую. Лечение у земских врачей было бесплат-

ным, медикаменты приобретались на средства земства.

По постановлению уездного собрания земским врачам надлежало проживать не в городе, а в уезде — в тех населённых пунктах, в которых имелись земские конные станции (чтобы ускорить приезд врача для оказания медицинской помощи). Врач первого медицинского участка жил в Зуе, земский врач второго участка — в Дуванкое. Местом жительства Марии Шлее стала немецкая колония Кроненталь (ныне с. Кольчугино Симферопольского района).

Третий медицинский участок (Кронентальский) значительно превосходил по площади два других. Он занимал 2/3 (по другим данным — 3/5) территории Симферопольского уезда. В его состав входили 98 деревень с населением 15 тысяч жителей, смешанным по национальному составу. Там жили русские, немцы, татары, болгары, эстонцы. Поездки к больным в отдалённые деревни совершились на конных повозках, занимали много времени и были изнурительны. Радиус разъездов составлял до 35 вёрст. Причины вызовов: травмы, несчастные случаи, роды, инфекционные и другие заболевания.

Опасные эпидемии случались в том или ином регионе почти ежегодно. Подтверждением может служить отчёт Марии Шлее по Кронентальскому медицинскому участку за 1890 год. В нём отражены наиболее распространённые заболевания:

грипп — 587 человек, умерли — 7,
брюшной тиф — 119, умерли — 7,
корь — 94, умерли — 8,
дифтерит — 72, умерли — 28,
сибирская язва — 12, умер — 1.

Когда читаешь такие документы, невольно перед глазами возникает картина из прошлого: пылит повозка по длинной дороге, почтовые лошади по-

слушно бегут от деревни к деревне. И представляется образ уверенного и мужественного человека, бесстрашно спешащего в опасный очаг, чтобы помочь больным, рискуя при этом собственной жизнью.

Кронентальская земская больница

С поступлением Марии Матвеевны на службу в Симферопольском земстве стали уделять больше внимания развитию медицины. В 1888 году в уездную управу поступила докладная записка земских врачей с просьбой разрешить им ежегодный двухмесячный отпуск для научного совершенствования на курсах в Петербурге, а также ассигновать 50 рублей для выписки медицинских журналов.

Уже через год работы в должности земского врача Мария Матвеевна заявила о необходимости строительства больницы в селении Кроненталь. В конце 1888 года депутаты Симферопольского уездного земского собрания приняли соответствующее постановление. Строительство началось в мае 1889 года. Проект предусматривал возведение приёмного покоя на 7 мест, кухни и прачечной. Там же планировались квартиры для врача и фельдшера.

Кольчугинская участковая больница. 2010 г.

Позже выяснилось, что хорошая идея реализовывалась с серьёзными строительными нарушениями и отступлениями от проекта. Вопросам строительства и ремонта Кронентальской больницы было посвящено немало заседаний Симферопольского земского собрания. В июне 1890 года в Кронентале с ревизией побывал даже сам Таврический губернатор Пётр Михайлович Лазарев. Он обследовал строящееся на средства земства здание, и уездная управа получила от него явно критическое заключение: "Очевидно, что за постройкой не установлено должного надзора... постройка производится медленно: началась в мае прошлого года и до настоящего времени не готова вчерне". Руководители уездной управы, пригласив архитектора, спешно выехали в Кроненталь. Председатель управы К.И. Вяткин, члены управы В.И. Бларамберг и Х.Э. Келов совместно с гражданским инженером Б.А. Заиончковским осмотрели строение и выявили немало нарушений. Здание сдали с опозданием.

Кронентальская земская больница открылась 1 июля 1891 года [2; 3]. Заведующей и первым врачом работала Мария Матвеевна Шлее. В тот день исполнилось ровно четыре года со времени её поступления на земскую службу. Женщине в дореволюционной России надо было обладать поистине редкой предприимчивостью и очень высоким уровнем профессионализма, чтобы за короткий срок суметь достичь ощутимых результатов и добиться признания.

С открытием стационарного лечебного учреждения у Марии Матвеевны появились дополнительные обязанности по ведению хозяйства и организации питания пациентов. В больнице сначала не было ни погреба, ни ледника: негде было хранить скоропортящиеся продукты. В деревне не было пекарни, и работники

больницы сами выпекали хлеб для больных. Зимой топили печи. Но дрова были дорогими, и люди зябли.

Вскоре после открытия больницы изменилось её название. В 1891 году постановлением Таврического губернского правления населённому пункту Кроненталь было дано официальное название: село Булганак. Поэтому впоследствии больницу именовали Булганакской.

Осенью 1891 года в Симферопольском уезде вспыхнула эпидемия оспы, унесшая жизни 60 детей. Мария Матвеевна вместе с двумя фельдшерами сделала противооспенные прививки 703 детям в 71 деревне. В 1892-м эпидемия холеры охватила огромные регионы России, распространяясь и в Крыму. Симферопольская уездная управа организовала очистку территорий и дезинфекцию, опубликовала на русском и татарском языках правила индивидуального предохранения от холеры. Надеялись, что в 1893 году холеры не будет. Но она появилась там, где её не ждали: в Булганакской волости, где санитарные условия и благосостояние жителей были намного лучше, чем в других селениях. Заболели 120 человек, 47 из них умерли. Началась "поголовная" дезинфекция деревень. Через 25 дней эпидемия прекратилась. Но в конце октября холера вспыхнула в деревне Эфендикой, в ноябре — в Дуванкое, где унесла жизни 43 человека.

За отчётный год (с июля 1892 по июль 1893 г.) в Булганакском медицинском участке было зарегистрировано 4029 больных, умерли 74 человека [4]. Кроме холеры, в отчёте перечислены другие опасные заболевания: скарлатина, коклюш, дифтерит, брюшной тиф, сибирская язва.

По таким сводкам можно представить объём работ, который выполняла земский врач Мария Шлее. Впоследствии

она не раз вспоминала, как сложно было во время эпидемий вести работу с местным населением и сельскими старостами, когда в сжатые сроки приходилось проводить дезинфекцию огромных территорий, изолировать людей, уничтожать чьи-то предметы и имущество, убеждать, настаивать, требовать, возмещать. Даже теперь, по прошествии сотни лет, невозможно без волнения читать медицинские отчёты, составленные в период быстрого распространения холеры.

Работа земского врача была трудной и опасной. Разумеется, не многие дамы решались работать врачами, тем более — земскими. В Таврической губернии в тот период их было только четверо.

Значительную часть времени земских врачей занимали поездки в отдалённые деревни. Размеры медицинских участков необходимо было сокращать, но для этого требовалось дополнительное финансирование. В 1892 году по заявлению врачей Шлее, Билинского и Кефели Симферопольское земское собрание обсуждало необходимость учреждения в уезде четвёртого медицинского участка (он будет открыт лишь осенью 1894 года). Собрание рассмотрело также вопрос об увеличении жалованья земским врачам. Результаты тайного голосования показали, что уездные депутаты по достоинству оценили созидательную деятельность Марии Матвеевны Шлее. Её работа была признана "весма полезной и заслужила особое одобрение со стороны уездного собрания". В итоге депутаты приняли постановление о персональном увеличении жалованья врачу М.М. Шлее. В последующие годы депутатский корпус ещё не раз выражал ей свою признательность, а в отчётах уездной управы подчёркивалась "выдающаяся деятельность" земского врача Марии Шлее.

После завершения строительства Ма-

рия Матвеевна жила в квартире при больнице. Однако в новом строении возникли серьёзные проблемы. "Здание больницы нуждается в основательном ремонте", — настойчиво сообщала управе обеспокоенная Мария Матвеевна. В 1892 году Франц Петрович Шнейдер выделил строительные материалы из своего имения, и управа сделала ремонт. Все потолки в здании исправили и заново оштукатурили, сложили две голландские печи, провели наружные работы. Но всё же там что-то не ладилось: ремонт не устранил проблему.

19 марта 1893 года в составе специально созданной комиссии в Булганак прибыли светила крымской архитектуры: губернский архитектор Вячеслав Антонович Геккер и симферопольский городской архитектор Бронислав Адольфович Заиончковский. Их выводы были неутешительны: в здании фактически отсутствовал фундамент, "так как тот ряд насухо положенных камней невозможно назвать фундаментом". Из-за отсутствия фундамента произошла осадка здания и, как следствие, треснули перемычки. Комиссия отметила "явные нарушения основных правил строительного искусства" и сделала заключение: здание приёмного покоя "подлежит полной перестройке".

Строительные и ремонтные работы продолжались ещё долго. С годами Булганакская больница всё более совершенствовалась. Большой вклад в её становление внесла врач Мария Матвеевна Шлее. Следует вспомнить имя Франца Францевича Шнейдера, избранного попечителем Булганакского приёмного покоя (1894). Работники уездной управы и депутаты Симферопольского земства также оставили там частичку своей души.

Здание больницы, которое так трудно строилось, сохранилось до наших дней. Более 120 лет служит оно людям.

В нём и сегодня, как прежде, размещается сельская больница. Стало быть, не напрасными были усилия людей, давно покинувших этот мир, но оставивших потомкам плоды своей созидательной деятельности.

Семейное положение

По данным анкеты, составленной в ноябре 1893 года, Мария Матвеевна была замужем и имела двойную фамилию — Шлее-Люстих. Её супруг, Фердинанд Осипович Люстих, происходил из довольно известного в Крыму семейства. В публикациях последующих лет фамилию Марии Матвеевны можно встретить в разных вариантах: Шлее, Люстих, Шлее-Люстих, Шлее-Люстиг. В их семье не было детей, и свою жизнь Мария Матвеевна посвятила медицине.

Фердинанд Осипович Люстих со временем стал банкиром. Он служил управляющим Симферопольского отделения Русского для внешней торговли банка. Заметным было его участие в общественной жизни города: в течение многих лет он состоял депутатом Симферопольской

городской думы и активно занимался благотворительностью. За труды пожалован личным дворянством.

Врачебные советы

В 1892 году губернский съезд врачей принял постановление об учреждении губернского и уездных Врачебных советов. Врачебные советы, состав которых формировали медицинские работники и представители местных органов власти, были призваны оказывать всевозможное содействие медицинской службе. Многие инициативы врачей нашли своё воплощение при поддержке общественных деятелей и органов местного самоуправления.

Врачебный совет, созданный в Симферопольской уездной управе, начал свою деятельность в 1894 году. Мария Матвеевна Шлее внесла значительный вклад в его работу. Получив образование в Швейцарии, она была хорошо знакома с организацией медицинской службы за границей и старалась применять в Крыму европейский опыт.

Земские врачи, нёсшие огромную нагрузку на своих участках, были инициа-

Село Булганак. Римско-католическая церковь (слева) и лютеранская кирха. 1907 год

торами открытия новых врачебных и фельдшерских пунктов. Формирование каждого медицинского участка требовало немалых усилий. Сначала следовало перевести земскую конную станцию в тот населённый пункт, в котором планировалось проживание врача, чтобы он мог брать лошадей для поездок в деревни. Нужно было подыскать (или построить) здание для медпункта. Требовались средства на оборудование медучреждения и содержание медперсонала. Невзирая на сложности, медицинская помощь сельскому населению постепенно улучшалась. В 1894 году учредили четвёртый медицинский участок (Саблынский), в 1897-м — пятый, в 1898-м открыли Аргинский фельдшерский участок. В 1899-м решали вопрос о переводе земского фельдшера с Северной Стороны (там успешно работали военные медики) в деревню Дуванкой.

В 1910 году в Симферопольском земстве работали 6 земских больниц, 7 врачебных и 10 фельдшерских пунктов. В развитии земской медицины была заслуга и Марии Шлеे-Люстих — при её активном участии создавались медицинские учреждения.

К Марии Матвеевне нередко обращались пациенты из Евпаторийского уезда. Поэтому она предложила открыть медицинский участок на границе Симферопольского, Евпаторийского и Перекопского уездов. Но согласование между тремя уездами шло долго и сложно.

В 1896 году Врачебный совет Симферопольского земства рассматривал деликатную тему. Вследствие религиозных и бытовых традиций мусульманского населения татарские женщины выражали явное нежелание лечиться у врачей-мужчин. Тогда медики предложили назначить в каждый участок по акушерке. Но в сложных случаях акушеркам предстояло проводить опера-

ции. Поэтому Врачебный совет принял решение ходатайствовать перед губернской земской управой об учреждении при симферопольских богоугодных заведениях фельдшерско-акушерской школы.

Мария Матвеевна имела большой опыт в деле противооспенных прививок. В 1896 году на экстренном заседании Врачебного совета она высказала мнение, что обязательная прививка оспы всем школьникам была бы эффективной мерой. Врачебный совет решил: "Просить управу ходатайствовать перед уездным земским собранием об издании специального постановления об обязательности прививки оспы школьникам". В то время это было новаторское решение.

В 1899 году Врачебному совету Симферопольского земства пришлось решать непростую проблему. Из-за опасности заражения губернская управа отказалась принимать инфекционных больных в богоугодные заведения. Но где их лечить? Ответ на этот вопрос предстояло найти. На заседании Врачебного совета земский депутат Фердинанд Матвеевич Шлее предложил строить при медицинских пунктах небольшие бараки, чтобы изолировать заболевших. Предложение отправили Таврическому губернатору. Губернатор, шталмейстер Двора Его Величества Пётр Михайлович Лазарев, признал устройство бараков вполне целесообразным [5]. Губернская врачебная комиссия сочла сооружение инфекционных корпусов "единственной возможной мерой борьбы с заразными болезнями" и разработала правила формирования таких отделений. Первый барак решили строить в Булганаке, где работала Мария Шлее-Люстих, имевшая большой опыт противоэпидемической деятельности. Идея Фердинанда Шлее воплотилась в жизнь, и "заразные" бараки стали прообразом современных инфекционных отделений.

Трудовые будни

Земские врачи работали без выходных. Они ежедневно вели амбулаторный приём пациентов, лечили стационарных больных, выезжали по вызовам, оказывали населению экстренную медицинскую помощь. К такому служению был готов не каждый. Медики один за другим оставляли земскую службу. Персональный состав земских врачей в Симферопольском уезде часто менялся. Долго и, как видно, по призванию работали Мария Шлее и врач Зуйского медицинского участка Илья Кефели. Иногда им приходилось решать вопросы, далёкие от медицины. Так, в 1899 году Симферопольское уездное собрание рассматривало ходатайство врача Ильи Фёдоровича Кефели об увеличении количества лошадей на Зуйской почтовой станции. Из-за их недостатка не всегда своевременно оказывалась помощь больным.

Подобное прошение в том же году подал в управу почтосодержатель Булганакской станции Михаил Фишер: "Имею честь покорнейше просить земскую управу ходатайствовать перед земским собранием о прибавке одной пары лошадей, так как все мои лошади ежедневно в разгоне, подаются под проезд доктора, фельдшера, фельдшерицы, рассыльного земской почты, поэтому другим приезжающим нет лошадей. Жалоб, сколько мне известно, не поступало, так как я, во избежание задержки чиновников, нередко отпускал не станционных лошадей". Это прошение довольно убедительно свидетельствует об объеме работ булганакских медиков.

Оставаясь врачом Булганакского медицинского участка, Мария Матвеевна изучала методы лечения сакскими грязями. Вероятно, её интерес к этой теме возник ещё в юности, в родительском имении, земли которого примыкали к

Сакскому озеру. Летние сезоны Мария Матвеевна обычно проводила в Сакской грязелечебнице — работала там врачом. В 1896 году она подала в Симферопольскую уездную управу прошение о разрешении ей ежегодных трехмесячных отпусков для работы в Саках. Решением земского собрания её ходатайство было удовлетворено. Для работы в Булганакском медицинском участке Мария Матвеевна находила другого врача и просила управу выдавать ему своё жалованье. Обычно её замещал ординатор московской клиники Кавалеров.

Результаты своего исследования о лечении сакскими грязями Мария Матвеевна изложила в докладе, с которым выступила на заседании Общества симферопольских врачей. Секретарь Общества А.Н. Покровский отметил в отчёте за 1899 год: "Живя в центре таких природных терапевтических богатств, как минеральные грязи, море и горы... общество Симферопольских врачей всегда живо интересовалось всем, что так или иначе касается физиотерапии, то есть природолечения. Поэтому немудрено, что члены общества с большим интересом выслушали доклад женщины-врача Шлее-Люстих о лечении женских болезней Сакскими минеральными грязями". В 1902 году Марию Матвеевну избрали помощником старшего (главного) врача Сакской грязелечебницы.

Окончание земской службы

Завершалось XIX столетие. На рубеже веков произошли важные перемены в жизни Марии Матвеевны Шлее-Люстих: она приняла решение оставить земскую службу.

В октябре 1899 года член Симферопольской уездной управы Мустафа Мурза Кипчакский доложил уездному собранию, что от земского врача Марии Матвеевны Шлее получено заявление об

увольнении, и спросил, не пожелает ли собрание выразить ей благодарность за долгую и полезную службу. Надворный советник Владимир Владимирович Конради сообщил, что Мария Матвеевна работает на участке, где находится его имение, и он "впервые увидел земского врача в лице Марии Матвеевны, такой любовью и уважением не пользовался ни один врач".

Председатель управы, титулярный советник Г.Я. Есипович объяснил, что причиной увольнения Марии Матвеевны служит её отъезд за границу для совершенствования в науках, поэтому предложил, кроме словесной благодарности, оказать ей материальную поддержку. Уездное собрание постановило: врачу Марии Матвеевне Шлее выразить благодарность за многолетнюю и полезную службу земству и выдать 800 рублей — сумму её полугодового жалованья.

Более 12 лет (1887—1899) Мария Матвеевна работала земским врачом Кронентальского (Булганакского) медицинского участка, из них почти 9 лет (1891—1899) заведовала земской больницей. Депутаты Симферопольского земства оценивали её работу как выдающуюся деятельность.

После увольнения Марии Матвеевны с земской службы врачи в Булганакском медицинском участке менялись один за другим. В 1900 году Булганакской больницей заведовал приглашённый из Москвы врач И.Х. Протасов, в 1901-м — И.И. Ваковский, с 1904-го — Г.И. Фурман, с 1906-го — Е.Л. Николаева, затем — А.А. Рязанов, с 1910 года — женщина-врач Р.А. Вульфович. За десять лет на этом участке сменились шесть земских врачей.

Члены Врачебного совета остро ощутили отсутствие Марии Матвеевны, поэтому в феврале 1900 года обратились в уездную управу с весьма красноречивой

просьбой. Учитывая плодотворную деятельность Марии Шлее-Люстих "на по-прище развития медицинского дела в уезде", Врачебный совет ходатайствовал, чтобы управа от своего имени просила Марию Матвеевну по-прежнему быть членом Врачебного совета и участвовать в его заседаниях. Мария Матвеевна откликнулась на эту просьбу и состояла в звании Почётного члена Врачебного совета Симферопольского земства.

Работа в Симферополе

С 1900 года Мария Матвеевна жила в Симферополе. Преподавала гигиену в казённой женской гимназии, заведовала больницей Епархиального женского училища (1908—1910) [6; 7]. Как специалист по внутренним болезням и акушерству, вела частный приём в своём симферопольском доме (ул. Петропавловская, 13). Этот дом сохранился до наших дней, расположен около Петропавловского собора (ул. Октябрьская, 13).

Мария Матвеевна занималась и общественной деятельностью. Во время Русско-японской войны, когда население поднялось на защиту Отечества, Мария Матвеевна руководила комитетом по сбору пожертвований для армии, была избрана в состав губернской Исполнительной комиссии по устройству Таврического лазарета, создаваемого на добровольные пожертвования для отправки в район боевых действий. В течение длительного времени (1902—1913) избиралась членом правления симферопольского общества "Детская помощь". В сентябре 1903 года члены этой благотворительной организации открыли в Симферополе больницу для детей малоимущих родителей. Силами общества была организована не только лечебная, но и вся хозяйственная деятельность, включая отопление, освещение, обеспечение пациентов питанием и

*Бывший дом Марии Шлее-Люстих. Симферополь, ул. Октябрьская, 13.
Фото 2008 года*

одеждой. Очевидно, надо было обладать завидным энтузиазмом и высочайшей нравственностью, чтобы на общественных началах содержать детское лечебное учреждение.

Многие годы Мария Матвеевна состояла членом Врачебного совета Симферопольского земства и Общества симферопольских врачей. Заседания Врачебного совета иногда затягивались до глубокой ночи. Так, в феврале 1905 года рассматривали вопрос о выработке новых правил борьбы с холерой. Из-за продолжавшейся войны на Дальнем Востоке ощущалась нехватка опытных врачей и фельдшеров. Заседание началось в 8 часов вечера и окончилось в половине двенадцатого ночи. В состав комиссии для разработки новых правил была избрана и Мария Шлее-Люстих, в своё время бесстрашно работавшая в эпидемических очагах.

Опытный врач по акушерству, Мария Матвеевна помогла появиться на свет многим младенцам. Её имя часто встречается в метрических книгах о креще-

нии детей, что служит проявлением особого к ней уважения. Судя по сохранившимся документам, Мария Матвеевна являла собой образец безупречного служения профессии.

Пожалуй, в этом месте повествования следовало бы поставить точку, завершив рассказ о жизни и деятельности Марии Шлее-Люстих. Но недавно стали известны факты, которые вызывают горькое сожаление.

1927-й год. Мария Матвеевна борется за разрешение жить в своём собственном доме. Сохранилось её заявление в КрымЦИК: "Мне 69 лет. По профессии я врач и большую часть жизни отдала службе народу, работая в должности земского врача в Симферопольском уезде и Сакской грязелечебнице". Далее Мария Матвеевна объясняет, что дом № 13 на Петропавловской улице они с мужем приобрели на свои трудовые деньги, но в 1920 году дом был муниципализирован (изъят из частной собственности), а в 1922 году — оформлен в аренду. "Договор аренды... в ближайшее время ис-

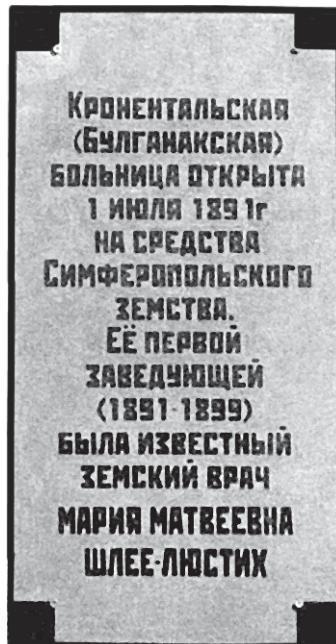
текает, я боюсь оказаться выброшенной на улицу", — пишет обеспокоенная Мария Матвеевна. Она сообщает, что по причине инвалидности уже не работает, после смерти мужа не имеет средств к существованию, просит, чтобы дом вернули ей в собственность, и выражает надежду, что ей позволят скоротать старость в собственном доме.

Сам нарком здравоохранения РСФСР Николай Александрович Семашко встал на защиту Марии Матвеевны. Его официальное письмо из Москвы от 5 января 1927 года было адресовано Крымскому ЦИК: "Принимая во

внимание продолжительную работу врача Шлее-Люстих М.М. на медицинском поприще в земстве... Народный Комиссариат здравоохранения РСФСР всецело присоединяется к ходатайству врача Шлее-Люстих об удовлетворении её просьбы о возвращении указанного дома. Народный комиссар Здравоохранения Семашко".

Возвращённая память

Жизнь Марии Матвеевны была посвящена служению народу и медицине. При её участии основаны земская больница в селении Кроненталь и детская больница в Симферополе, открыты врачебные и фельдшерские пункты в Симферопольском уезде. Несомненно, Мария Шлее-Люстих внесла значительный вклад в развитие здравоохранения и создание сети медицинских учреждений

Мемориальная доска на здании Кольчугинской больницы

на полуострове. Искренне жаль, что её имя оказалось забытым на долгие годы.

Дело, начатое Марией Матвеевной в XIX веке, сегодня продолжает новое поколение медицинских работников. На праздновании 200-летнего юбилея села Кольчугино, состоявшемся 17 сентября 2010 года, на здании сельской больницы установлена мемориальная доска первому врачу и заведующей Марии Матвеевне Шлее-Люстих.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Кольский П.И. Список врачей Таврической губернии. — Симферополь, 1894. — С. 104.
2. Постановления Симферопольского уездного земского собрания 1891 г. — С. 26.
3. Постановления Симферопольского уездного земского собрания 1892 г. — С. 25, 42.
4. Отчёт врача М. Шлее // Постановления Симферопольского уездного земского собрания 1893 г. — С. 31.
5. Постановления Симферопольского уездного земского собрания 1899 г. — С. 99.
6. Адрес-календарь. Справочная книга Таврической губернии на 1908 год. — Симферополь, 1908. — С. 46, 61.
7. Протокол совещания школьных врачей // Известия Симферопольской городской думы. 1909. — Декабрь, № 12. — Симферополь, 1909. — С. 65, 69.

Из книги: Комиссарова В.В. Крымская династия Шлее. — Симферополь: Н. Оріанда, 2012.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИРОТСКОГО ДОМА ТАЙНОГО СОВЕТНИКА ФАБРА (1864—1920 гг.)

О.М. БОБКОВА

В системе государственных учреждений Российской империи призрение сирот началось с создания в 1775 г. приказов общественного призрения. В середине XIX века в крупнейших городах государства существовала сеть сиротских домов, основанных на средства частных лиц и действовавших на довольно широких основаниях. К числу крупнейших домов призрения детей-сирот в Новороссийском крае относился и приют тайного советника Фабра, функционировавший в Симферополе с 1864 г.

При этом до настоящего времени как специалистами, так и краеведами не были освещены основные вехи истории этого благотворительного учреждения. Отдельные аспекты его деятельности нашли отражение в основательной статье, принадлежащей перу выдающегося крымоведа, историка А.И. Маркевича "З культурної минувщини Криму" [1]. История создания приюта также была затронута в биографическом очерке А.Я. Фабра, составленном С.А. Андросовым [2]. Вклад А.Я. Фабра в защиту детей-сирот получил фрагментарное освещение в газетных публикациях крымских и днепропетровских краеведов [3]. Названные работы были основаны, по большей части, на общеизвестных материалах биографии создателя приюта, а также документах, отложившихся в фонде благотворительного заведения Государственного архива в Автономной Республике Крым (ф. 120). Это значительно сузило источ-

никовую базу исследований и обусловило фрагментарность приведенных в них сведений. В связи с этим данная разработка ставит своей целью более глубокое изучение истории Сиротского дома тайного советника Фабра путем привлечения новых групп исторических источников.

Исследование выполнено в рамках научной темы "Проблемы социально-экономической, политической, этнической и культурной истории Украины и Крыма", разрабатываемой кафедрой истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (государственный регистрационный номер 0197V001959).

Жизненный и служебный путь А.Я. Фабра были примером самоотверженной работы во благо родного края. Начав службу форшмейстером "сверх комплекта на своем содержании" (1808), благодаря усердию и трудолюбию он достиг значительных высот в иерархии государственных чиновников Новороссии. А.Я. Фабр последовательно трудился на должностях таврического губернского прокурора (1825-1833), правителя канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора (1833-1847), екатеринославского губернатора (1847-1857). При этом, в историческом восприятии крымчан имя Андрея Яковлевича, прежде всего, ассоциируется с благотворительностью, так как после его смерти в Симферополе было организовано учреждение, получившее название Сиротского дома тайного советника Фабра, в пользу которого основатель пожертвовал все свои движимые и недвижимые капиталы.

Всю свою жизнь Андрей Яковлевич вел достаточно скромный образ жизни. Многие современники, по-видимому, не понимая настоящих причин бережливости будущего основателя приюта, не скучились на едкие комментарии. В своих воспоминаниях авторы часто не скрыва-

ли своего скептического отношения, выражая его приблизительно в таких словах: "Фабр отличался поразительной скрупульностью" [4], "скрупульность его сделалась притчею" [5]. Причины таких резких оценок, по-видимому, лежат в плоскости личных взаимопониманий между сослуживцами и коллегами по научному цеху. При этом практически все авторы сходились во мнении, что А.Я. Фабр являлся человеком "высокой чести и истинно твердых правил" [6]. А.Я. Фабр вел настолько скромную жизнь, что в некоторых возбуждал зависть и даже ненависть [7]. Крупнейший крымовед середины XIX века Ф.М. Домбровский, бывший лично близко знакомым с Андреем Яковлеви-

чем, отмечал, что последний, будучи уже в преклонном возрасте и обладая значительным денежным состоянием, тем не менее, продолжал вести чрезвычайно скромный образ жизни. По сведениям автора, в месяц он тратил от 13 р. 35 коп. до 14 р. 25 коп. серебром, что в по тем временам было очень незначительной суммой [8].

Истинные причины этой экономии остались непонятными вплоть до самой смерти А.Я. Фабра, когда всем стало известно, что все свое имущество он завещал на создание в Симферополе Приюта для мальчиков-сирот. Это решение было принято Андреем Яковлевичем задолго до кончины. Завещание было им составлено вскоре после смерти матери, Марии Фабр, урожденной Гроскрейтц. Наиболее ранняя дата регистрации составленного А.Я. Фабром завещания относится к 18 сентября 1846 г. В соответствии с этим документом все имения и собранный за долгие годы капитал Андрей Яковлевич передал "на вечные времена и неотъемлемо в пользу малолетних неимущих сирот" [9]. Были назначены душеприказчики, которые в дальнейшем должны были заботиться о соблюдении буквы завещания А.Я. Фабра. Они, по сути, и взяли на себя труд по созданию приюта и дальнейшей заботе о нем. По распоряжению завещателя первоначально душеприказчиками были назначены лица, пользовавшиеся его личным доверием и служившие в местной администрации. Это были "действительный статский советник И.Я. Браилко, статский советник С.М. Мейер, действительный статский советник А.А. Уманец, надворный советник Гимбер". Однако к началу 60-х гг. XIX в. почти все они выехали за пределы Таврической губернии и уже не могли полноценно выполнять возложенные на них обязанности. В связи с этим А.Я. Фабр вынужден был дописать еще две фамилии. Педантичный учредитель при-

юта в своем завещании указывал "чтобы все заботы не пали на плечи Браилки, я решил прибавить еще 2 человека: председателя Таврической казенной палаты действительного статского советника Владислава Максимовича Княжевича и почетного попечителя гимназии коллежского советника Михаила Ивановича Кашкадамова" [10]. Завещание несколько раз переписывалось и дополнялось. В нем А.Я. Фабр со всей присущей ему точностью и скрупулезностью изложил свою волю относительно дальнейшей судьбы своего капитала. Так, в 1859 г. завещание было дополнено несколькими пунктами, освещавшими будущий уклад сиротского дома. В них А.Я. Фабр четко определил количество и пол сирот, а также их возраст. В приют должны были приниматься 20 мальчиков в возрасте от 4 до 13 лет. Ограничение числа детей Андрей Яковлевич Фабр пояснил тем, что "лучше призреть их меньшее число, но доставить им более приличное содержание" [11]. Одним из обязательных условий принятия в приют, по желанию А.Я. Фабра, стало место рождения сирот. Они непременно должны были являться выходцами из Таврической губернии [12]. Изначально А.Я. Фабр предполагал, что приют станет пристанищем как для мальчиков, так и для девочек-сирот. Однако сразу после Крымской войны (1853-1855) в Симферополе на средства графини А.М. Адлерберг был открыт хорошо обустроенный приют для девочек. Это определило переориентацию будущего сиротского дома А.Я. Фабра. Завещание в очередной раз было пересмотрено: в него был включен пункт о том, что приют станет пристанищем только для мальчиков-сирот.

После смерти завещателя, в течение целого года попечителями был сделан значительный объем работ, предшествовавших открытию благотворительного заведения [13]. В январе 1864 г. на имя Таврического губернатора Григория Ва-

сильевича Жуковского пришло разрешение от Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора об учреждении в г. Симферополе Сиротского дома под управлением душеприказчиков, "с тем, чтобы в распоряжении селениями и капиталами и в управлении самим домом они руководствовались указаниями, изложенными в духовном завещании" [14]. В соответствии с завещанием А.Я. Фабра управление приютом должно было производиться исключительно доверенными лицами, без какого-либо вмешательства со стороны Приказа общественного признания (по-видимому, тем самым завещатель хотел обезопасить свое детище от возможных хищений имущества). В соответствии с указаниями генерал-губернатора края и следуя статье 306 устава приказа общественного признания, государственная служба должна была лишь извне контролировать выполнение пунктов завещания душеприказчиками. Форма контроля была довольно демократичной — руководство Сиротского дома обязано было "предоставлять ежегодно отчет по оному, равно как и о капиталах" [15].

Душеприказчикам пришлось приложить большие усилия для того, чтобы Сиротский дом как можно раньше начал свою деятельность. Были проведены работы по внутреннему обустройству здания приюта, закуплена часть мебели. Душеприказчики добились официального разрешения от попечителя Одесского учебного округа на приобретение приютом с торгов необходимых вещей упраздненного "казенного пансиона" в г. Симферополе [16]. С учетом всех сложностей, возникавших на пути попечителей Сиротского дома, работы по подготовке его к открытию были проведены в максимально сжатые сроки. Уже через год после смерти А.Я. Фабра, 30 ноября 1864 г., в г. Симферополе в отремонтированном здании состоялось торже-

ственное открытие приюта для мальчиков-сирот. В строгом соответствии с завещанием он получил название "Тайного советника Фабра дом призрения сирот" [17]. Следует особо подчеркнуть, что с первых дней существования приюта сложилась благоприятная ситуация для его развития — уже в марте 1864 г. (т.е. до момента его официального открытия) Сиротский дом "осчастливлен был принятием оного под Высочайшее покровительство" [18].

Сиротский дом располагался на месте старого здания Симферопольской мужской гимназии. Эта постройка сохранилась и по сей день (пер. Совнаркомовский, 3). Сегодня здесь располагается Министерство образования и науки Автономной республики Крым.

В начале августа 1864 г. душеприказчики А.Я. Фабра обратились в Таврическую духовную консисторию с просьбой разрешить организовать при приюте церковь во имя св. Андрея Первозванного. Уже 7 августа был получен официальный ответ: "Таврическая духовная консистория долгом поставляет уведомить Вас, что вследствие прошения Вашего <...> разрешается устройство в здании назначенному тайным советником Фабром для Сиротского дома домовой церкви" [19]. 27 декабря 1864 г. при Сиротском доме тайного советника Фабра прошло освящение церкви во имя апостола Андрея Первозванного. Божественная литургия была совершена преосвященным Алексием, епископом Таврическим и Симферопольским [20].

В Сиротский дом тайного советника Фабра принимались мальчики не младше 4 и не старше 11 лет.

Верхняя возрастная планка была специально опущена чтобы максимально сосредоточиться на призрении малолетних сирот. В приюте дети находились до момента достижения ими тринадцатилетнего возраста. С 8-10 лет они обучались начальным

Закона Божьего, русскому и церковно-славянскому языкам, азам арифметики, церковному пению. По достижении 10 лет сироты автоматически получали право посещать городское училище. В дальнейшем наиболее одаренные дети могли продолжить обучение — им представлялась возможность поступления в гимназию. Сироты, окончившие гимназию с отличием, направлялись в университет. Обучение в гимназии и университете осуществлялось на проценты с капитала, пожертвованного графиней де Мезон, в расчете на 10 стипендий по 500 р. каждая [21]. Эта возможность появилась у выпускников школы лишь с 1880 г.

11 июля 1875 г. Симферопольский окружной суд утвердил духовное завещание графини Анисии Афанасьевны де Мезон, в соответствии с которым душеприказчиками было "исходатайствовано 7 июня 1880 г. положение о стипендиях имени графа Александра Яковлевича де Мезон" для наиболее одаренных детей Сиротского дома тайного советника Фабра [22]. Стипендии не раздавались в масшовом порядке. С 1876 по 1902 гг. в общей сложности стипендий было удостоено 19 выпускников Сиротского дома [23]. В соответствии с реалиями второй половины XIX века гимназическое, а, тем более, университетское образование открывало широкие перспективы для достижения солидного общественного положения и стремительного карьерного роста.

Особое внимание в приюте уделяли развитию умственных способностей детей. Хотя в целом образовательная программа не была слишком разносторонней, однако "она давала детям то, что необходимо знать человеку для того, чтобы не остаться человеком "темным"" [24]. В приюте дети получали основы знаний по арифметике, естествознанию, географии, истории. Для дальнейшего развития учащиеся могли заниматься само-

образованием, для этого в приюте имелась небольшая библиотека [25]. Помимо начальной грамоты, дети старшего возраста обучались различным ремеслам: сапожному, башмачному, столярному, слесарному.

В летнее время воспитанники приюта под руководством садовника, в разведенном при заведении саду, обучались огородничеству и уходу за фруктовыми деревьями и цветами. Особое внимание уделялось и физической подготовке. В свободное от уроков время дети "упражнялись гимнастикой под руководством надзирателя" [26].

Несмотря на то, что Сиротский дом начиная с 80-х гг. XIX в. располагал материальной базой для предоставления своим выпускникам высшего образования, все-таки контингент содержавшихся в приюте детей обязывал руководство прежде всего заботится об их базовой профессиональной подготовке. С этой целью при Сиротском доме в 1890 г. была создана специальная школа для обучения воспитанников различным ремеслам: "кузнеочно-слесарному, столярно-токарному и колесно-экипажному". Школу посещали исключительно воспитанники приюта. Отбором наиболее способных к ремеслу учеников для школы занимался комитет Сиротского дома. Сама школа находилась под управлением комитета, но надзор за ходом обучения и воспитательным процессом был поручен Совету школы, в состав которого входили смотритель, надзиратель и учителя. Ученики согласно "Положению о ремесленной школе" содержались отдельно от остальных воспитанников приюта. Несмотря на это, ремесленная школа была тесно связана с Сиротским домом и комитет заботился о воспитанниках школы также, как и о питомцах приюта. На содержание школы отводились проценты с принадлежащего Сиротскому дому капитала, доходы от продажи изделий вос-

питанников школы, а также поступления от выполнения небольших заказов, которые принимались "без ущерба для правильного хода обучения" [27]. Результаты финансовой деятельности школы в первый же год ее существования превысили все ожидания. Так, в 1891 г. прибыль от продажи изделий учеников ремесленной школы составила 3317 руб., в 1894 г. — 4467 руб. Таким образом школа самостоятельно зарабатывала третью часть всех затрат, необходимых на ее содержание [28].

Срок обучения в ремесленной школе составлял 4 года. Однако по усмотрению комитета его могли продлить еще на один год. Ученики могли быть исключены "за дурное поведение или нерадение в учении".

Наиболее усердным и прилежным полагалось награда: из прибыли от продажи различных ремесленных изделий школа выделяла процент на материальное вознаграждение учеников. Право на награду имели лучшие воспитанники начиная с третьего года обучения. Первый выпуск ремесленной школы состоялся 1895 г.

Успешно сдав экзамены, "12 учеников получили свидетельства и звания подмастерьев". "Положение о ремесленной школе" предусматривало возможность создания при школе музея и библиотеки "исключительно по мастерствам", которым обучались воспитанники приюта [29].

В соответствии с "Положением..." комитет Сиротского дома брал на себя обязательства и в дальнейшем оказывать помощь выпускникам, а также заботиться об их трудоустройстве. В особых случаях комитет выдавал небольшое денежное пособие на первое время трудовой деятельности, а ученикам, особенно проявившим себя в каком-либо ремесле, в награду предоставлялся полный набор ремесленных инструментов [30].

В 1874 г. Совет попечителей внес предложение в канцелярию Его императорского Величества о расширении благотворительной деятельности приюта. Советом было предложено увеличить возраст пребывания детей в приюте до 16 лет, "сравнять курс его с курсом уездного училища, а также дозволить принимать в оный и полусирот" [31]. Однако, по мнению чиновников канцелярии императора, эти требования шли в разрез с волей завещателя. А потому Совету попечителей в удовлетворении прошения было отказано.

Однако с течением времени изменения в организационной структуре Сиротского дома все-таки происходили. Изначально в завещании А.Я. Фабра было указано, что число детей, поступавших на полное содержание, не должно было превышать 20 человек. Кроме того, разрешалось принимать и до 10 человек пансионеров, которые платили минимум средств, необходимых на их содержание. При этом А.Я. Фабр оговаривал возможность расширения заведения, "если сумма, из остатков от ежегодных доходов <...>, предоставит достаточные к тому средства". Уже через шесть лет после официального открытия сиротского дома такая возможность была изыскана и число воспитанников было увеличено до 34, из которых только 1 находился на пансионе [32].

В приют принимались дети, происходившие из различных сословий. Так в отчете за 1870 г. особо подчеркивалось, что лишь шестеро из воспитанников относятся к личным дворянам. В 1885 г. представителей привилегированных сословий было лишь двое.

Весь обслуживающий персонал приюта, за исключением попечителей, которые работали безвозмездно, получал от заведения жалованье. Также некоторые служащие могли рассчитывать на "квартиру с отоплением и столом". Многие

работники приюта селились непосредственно при приюте [33].

Как успешную можно расценивать экономическую деятельность совета попечителей Сиротского дома.

К 1874 г. возникла объективная необходимость в преобразовании источников финансирования Сиротского дома. На продажу, из-за небольшого ежегодного дохода, были выставлены "4 участка удобной и неудобной земли <...> в разных местах Алуштинской долины, Ялтинского уезда <...>, участок земли при д. Капсихор Феодосийского уезда <...>, в Евпаторийском уезде при деревне Сабанчи, до 78 десятин степной земли <...>, старые водяные мельницы". В "Санкт-Петербургских ведомостях" было даже опубликовано объявление о продаже части собственности приюта [34]. Однако канцелярия императора не разрешила произвести продажу, так как в завещании четко оговаривалась невозможность продажи недвижимого имущества, завещанного в пользу приюта [35].

В 1873 г. Совет попечителей обратился к генерал-губернатору Новороссийского края с просьбою причислить Сиротский дом Фабра к ведомству учреждений императрицы Марии. Эта инициатива была успешной. Начиная с 6 июня 1873 г. приют со всеми принадлежащими ему капиталами, движимым и недвижимым имуществом был отнесен к ведомству учреждений императрицы Марии [36].

Сиротский дом содержался на средства, получаемые с пансионеров, за счет доходов от аренды имений и на проценты от неприкосновенного капитала в размере 293 260 рублей [37]. За доходами приюта строго следил совет попечителей. Деньги от арендаторов поступали регулярно и в целом приносили доход около 10838 рублей в год. В распоряжении приюта находился Алуштинский виноградник, который также приносил значительную прибыль. Так, из собранного в 1885 г.

винограда было "получено 381 ведро вина, которое было продано на общую сумму 1044 рублей 50 копеек" [38]. Эти доходы позволяли приюту содержать находящихся в его стенах воспитанников и даже регулярно производить строительные и ремонтные работы. Так, например, в 1885 г. на сэкономленные средства был произведен капитальный ремонт памятника и чугунной решетки на могиле А.Я. Фабра и его матери, а также была сделана железная решетка, которая отделяла сад при Сиротском доме от двора. Всего на строительные работы в 1885 г. было израсходовано 2870 рублей 21 копейка [39].

В фонде Сиротского дома тайного советника Фабра, который отложился в Государственном архиве в Автономной Республике Крым, сохранился Высочайше утвержденный 7 июня 1880 г. "Устав Сиротского дома тайного советника Фабра в Симферополе". Его содержание позволяет нам представить картину жизни приюта в период, когда в целом закончился этап формирования его внутреннего и внешнего облика. К этому времени окончательно была сформулирована главная цель деятельности благотворительного учреждения, которая заключалась в "призрении и религиозно-нравственном воспитании неимущих детей, круглых сирот мужского пола, единственного уроженцев Таврической губернии".

Все заботы по управлению хозяйством Сиротского дома, контроль над капиталом были возложены на особый комитет. Этот орган не являлся постоянно действующим и, согласно уставу, собирался по надобности. Все служащие заведения находятся в непосредственном подчинении комитета. Сиротский дом располагал значительным персоналом. Помимо управляющего при доме состояли: буфетчик, церковник, двое дядек при детях старшего возраста, трое комнатных лакеев, один дворник, одна няня при детях маленьких, повар с помощницей, садовник

для обучения детей садоводству и трое мастеров [40]. Кроме того, при домовой церкви находился священник и причетник, для обучения сирот церковному пению. Для надзора за всеми имениями приюта и за виноградниками был назначен специальный ревизор. За Сиротским домом также закреплялся врач [41].

В строгом соответствии с уставом обучение производилось во все дни, за исключением "воскресных и табельных". Также свободными от занятий официально считались 27 января — день смерти А.Я. Фабра и 7 августа — день смерти его матери Марии Федоровны Фабр (Грос-крайтц). В эти дни в приюте служилась панихида, на которой присутствовали все сотрудники и воспитанники приюта [42].

Сиротский дом тайного советника Фабра не являлся массовым заведением. В год его стены покидало не более десяти детей. При этом руководство приюта продолжало нести социальную ответственность за выпускников сиротского дома и после их ухода. Зачастую именно это способствовало выбору правильных жизненных ориентиров их вчерашними воспитанниками. В фонде Симферопольской городской управы, сохранившемся в ГААРК, выявлен документ, освещающий отношение Совета попечителей Сиротского дома к своим выпускникам на примере одного из воспитанников. В 1866 г. в приют поступил "босой и почти на-гой, просивший на улице милостыню, 9-летний мальчик Владимир, под фамилией Горейченко" [43]. Как впоследствии стало известно, мальчик носил фамилию Витень и являлся сыном купца. По достижении Владимиром 13 лет и окончании в Симферопольском уездном училище курса наук, он должен был "выйти на основании воли покойного Фабра из его заведения". А так как Владимир Витень на момент выпуска "никуда еще не был причислен", то Совет Попечителей по просьбе самого мальчика "имеет честь

покорнейше просить Городскую Думу, сделать распоряжение о причислении его в Симферопольские мещане" [44].

О положении сирот в приюте и об отношении к ним со стороны персонала можно судить и из воспоминаний одного из воспитанников Сиротского дома Георгия Павловича Доценко. Записка Г.П. Доценко, посвященная приюту, была выявлена в фонде этого учреждения, отложившемся в ГААРК. Этот документ дает возможность изнутри познакомиться с устройством благотворительного заведения, конкретно представить характер взаимоотношений внутри него.

В своей записке Г.П. Доценко отмечал, что провел в приюте 5 лет. Автор строк с большой любовью и теплотой отзывался о том времени. Вспоминая о проведенных здесь годах, он писал: "в приюте я нашел и ласку и любовь со стороны моих воспитателей, заменявшую мне ласку и любовь моих родителей" [45]. Г.П. Доценко отмечал, что под своим кровом приют собрал обездоленных и брошенных на произвол судьбы детей, представителей различных сословий: потомственных дворян, мещан, крестьян. Однако, несмотря на это, отношение у персонала ко всем было одинаковое, независимо от его происхождения и "этого деления лиц по сословиям в приюте не замечалось". У каждого была возможность проявить свои способности.

Лучшей наградой за успехи в учебе, по мнению автора строк, являлась стипендия графа А.Я. де Мезона, позволявшая продолжить обучение в гимназии и университете. Необходимо отметить, что именно Г.П. Доценко в 1877 г. стал первым выпускником, удостоившимся звания стипендиата. В дальнейшем по окончании гимназии, а иногда и высшего учебного заведения, питомцы приюта занимали престижные должности и удачно продвигались по карьерной лестнице. Так, например, Г.П. Доценко и выпуск-

ник Сиротского дома Владимир Аверкиев, по окончании гимназии и университета, "вступили в сословие присяжных поверенных" [46].

Стипендиатами гр. де Мезон с 1877 г. по 1914 г. стали 27 человек, а 11 из них получили высшее образование в университетах и профессиональных школах. Стипендиальный капитал на начало 1915 г. составлял 94 500 рублей. Совет попечителей не жалел денег на содержание заведения. Управление производилось умело и добросовестно. Имения, которые не приносили доход, выгодно продавались. Только в 1913 г. на содержание Сиротского дома было потрачено 30 507 руб. 96 коп. [47]. В 1903 г. при приюте была заложена больница. Через 2 года строительство завершилось, и у воспитанников сиротского дома появилась возможность получать более квалифицированную медицинскую помощь [48].

Сиротский дом Фабра просуществовал до начала 20-х гг. XX в. По воспоминаниям современников с началом Первой мировой войны жизнь приюта замерла, а со временем полностью остановилась [49]. В документе, сохранившемся в фонде Комиссариата народного призрения Республики Таврида в ГААРК, указывались главные причины упадка деятельности приюта. К их числу были отнесены негативные изменения в системе подчинения приюта (ликвидировалось Ведомство императрицы Марии), а также отказ новой власти производить выплаты по ценным бумагам [50]. Однако, несмотря на это, достоверно известно, что Сиротский дом пережил Гражданскую войну. 25 декабря 1920 г. датируется заявление, поступившее в Крымнаробраз "от служащих приюта Фабра". Это наиболее поздний из выявленных нами документов, в котором Сиротский дом упоминается как реально существующее учреждение [51]. По-видимому, его судьба была столь же трагична, как и других "пережитков" предше-

*Бывший Сиротский приют А.Я. Фабра.
Современный вид.*

ствовавшей социализму эпохи. Еще несколько лет после ликвидации Сиротского дома напоминанием о его былом существовании являлось название переулка, на котором он располагался. До 30 мая 1924 г. он носил имя А. Я. Фабра, а затем был переименован в Совнаркомовский [52].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

— Объективная действительность социально-экономической жизни в Таврической губернии в XIX в. была такова, что государству совершенно не хватало средств на социальные нужды. При этом значительная прослойка населения, не располагавшая достаточными средствами и рассчитывающая лишь на помощь со стороны государства, при непредвиденных событиях личной жизни попадала в чрезвычайно сложные обстоятельства. Одной из действенных форм повышения защищенности местного населения являлось создание зажиточными людьми учреждений, специализирующихся на оказании социальном помощи.

— Основанный на средства и в стро-

гом соответствии с волей А.Я. Фабра Сиротский дом являлся одним из крупнейших благотворительных учреждений Крыма. Создание и деятельность приюта увенчала более чем полувековую службу Андрея Яковлевича во благо всего Ново-российского края.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Маркевич А. З культурної минувщини Криму XIX в.: Короткі нариси // Збірник історико-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук. — К., 1930. — № 89: Філологічна кафедра під керуванням А.Е. Кримського, Тюркологічна комісія, № 2: Студії з Криму, 1-9. — С. 107-158.
2. Андросов С.А., А.Я. Фабр: Штрихи к историческому портрету // Историческое наследие Крыма. — 2005. — № 9. — С. 62-72.
3. Рыжков В. Чиновник завещал состояние сиротам и государству // Бизнес время. — 2000. — № 10; Широков В. Переулок Фабра // Крымские известия. — 1999. — 16/17 июля.
4. Браилко Н. Из воспоминаний и рассказов // РА. — 1897. — № 6. — С. 289.
5. Мурзакевич Н.Н. Записки Н.Н. Мур-

- закевича, 1805-1883 // РС. — 1887. — № 4. — С. 137.
6. Браилко Н. Из воспоминаний и рассказов // РА. — 1897. — Кн. 2, № 6. — С. 289.
7. [Домбровский Ф.М.] А.Я. Фабр: Некролог // ТГВ. — 1863. — 9 марта.
8. Там же.
9. ГААРК, ф. 458, оп. 1, д. 7, л. 1.
10. Там же, л. 5.
11. Там же, л. 2 об.
12. Маркевич А. З культурної минувщини Криму XIX ст.: Короткі нариси // Збірник історико-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук. — К., 1930. — № 89: Філологічна кафедра під керуванням А.Е. Кримського, Тюркологічна комісія, №2: Студії з Криму, I-IX. — С. 155.
13. [Домбровский Ф.М.] Сиротский дом тайного советника А.Я. Фабра // ОВ. — 1865. — 13 янв.
14. ГААРК, ф. 120, оп. 1, д. 1, л. 25.
15. Там же, л. 26.
16. ГААРК, ф. 458, оп. 1, д. 3, л. 4.
17. ГААРК, ф. 458, оп. 1, д. 7, л. 4.
18. ГААРК, ф. 120, оп. 1, д. 1, л. 72.
19. ГААРК, ф. 120, оп. 1, д. 7, л. 1.
20. [Домбровский Ф.М.] Сиротский дом тайного советника А.Я. Фабра // ОВ. — 1865. — 13 янв.
21. [Маркевич А.И.] Андрей Яковлевич Фабр // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии: Симферополь и его окрестности / Сост. Ф. Лашков. — Симферополь, 1890. — С. 134.
22. ГААРК, ф. 120, оп. 1, д. 25, л. 3.
23. Результаты доброго дела // Салгир. — 1902. — 9 июня.
24. ГААРК, ф. 120, оп. 1, д. 42, л. 3 об.
25. Там же, л. 4.
26. ГААРК, ф. 120, оп. 1, д. 40, л. 2-3.
27. ГААРК, ф. 120, оп. 1, д. 41, л. 1-2.
28. Маркевич А. З культурної минувщини Криму XIX ст.: Короткі нариси // Збірник історико-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук. — К., 1930. — № 89: Філологічна кафедра під керуванням А.Е. Кримського, Тюркологічна комісія, №2: Студії з Криму, I-IX. — С. 158.
29. Там же.
30. ГААРК, ф. 120, оп. 1, д. 41, л. 2-3.
31. ГААРК, ф. 120, оп. 1, д. 1, л. 87.
32. Кашкадамов М., Аверкиев П., де Мезон. Сиротский дом тайного советника Фабра в Симферополе // Таврические епархиальные ведомости. — 1870. — № 14. — С. 454, 460.
33. Там же, С. 456.
34. Совет попечителей сиротского дома тайного советника Фабра, в Симферополе / Санкт-Петербургские ведомости. — 1876. — 10 июня.
35. ГААРК, ф. 120, оп. 1, д. 1, л. 170.
36. Там же, л. 72.
37. ГААРК, ф. 120, оп. 1, д. 30, л. 1.
38. ГААРК, ф. 120, оп. 1, д. 40, л. 4 об.
39. Там же, л. 4.
40. Там же, л. 7.
41. Кашкадамов М., Аверкиев П., де Мезон. Сиротский дом тайного советника Фабра в Симферополе // ТЕВ. — 1870. — № 14. — С. 456.
42. ГААРК, ф. 120, оп. 1, д. 30, л. 1.
43. ГААРК, ф. 183, оп. 1, д. 647, л. 2.
44. Там же, л. 3 об.
45. ГААРК, ф. 120, оп. 1, д. 42, л. 1-1 об.
46. Там же, л. 5.
47. Маркевич А. З культурної минувщини Криму XIX ст.: Короткі нариси // Збірник історико-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук. — К., 1930. — № 89: Філологічна кафедра під керуванням А.Е. Кримського, Тюркологічна комісія, №2: Студії з Криму, I-IX. — С. 155.
48. Широков В., Широков О. Симферополь: Улицы рассказывают. — Симферополь: Таврия, 1983. — С. 148-149.
49. Маркевич А. З культурної минувщини Криму XIX ст.: Короткі нариси // Збірник історико-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук. — К., 1930. — № 89: Філологічна кафедра під керуванням А.Е. Кримського, Тюркологічна комісія, №2: Студії з Криму, I-IX. — С. 155.
50. ГААРК, ф. Р-2241, оп. 1, д. 3, л. 173.
51. ГААРК, ф. Р-1188, оп. 3, д. 163, л. 68.
52. Постановление Симферопольского Горрайонполкома 30 мая 1924 года // Красный Крым. — Симферополь, 1924. — 15 мая.
- // Культура народов Причерноморья. — 2006. — № 85. — С. 100-105. — Бібліогр.: 52 назв. — рос.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

КРЫМСКИЕ СТРАНИЦЫ ПРОФЕССОРА БОТКИНА

17 сентября исполняется 180 лет со дня рождения русского врача-терапевта Сергея Петровича Боткина (1832-1889)

Владимир Владимирович ЕЖОВ, заведующий кафедрой физиотерапии Крымского государственного медицинского университета, профессор, научный консультант Центра восстановительной медицины курорта Palmira Palace

Профессор Сергей Петрович Боткин (05.09.1832—18.12.1889) — основоположник функционального направления в отечественной клинической медицине, талантливый педагог и создатель крупной терапевтической школы, организатор и общественный деятель. В течение своей жизни он неоднократно приезжал в Крым.

Впервые ему довелось побывать здесь в период военной кампании 1853-1856 гг. После завершения медицинского образования и получения докторской степени, 23-летний Сергей Боткин добровольно поехал в Крым с группой молодых врачей в составе 2-го пироговского отряда сестёр милосердия, созданного под покровительством княгини Елены Павловны. В конце августа 1855 г. он выехал из Москвы в Симферополь, куда после сдачи Севастополя были переведены больные и раненые. В симферопольских военных госпиталях Боткин в течение 4 месяцев служил ординатором.

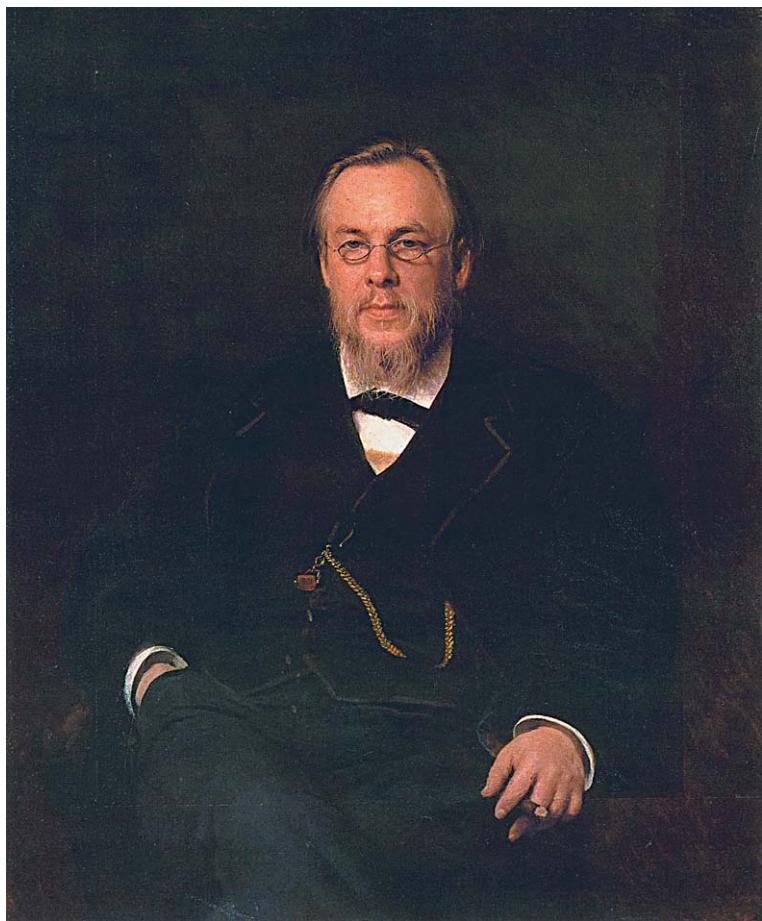
Эта первая поездка в Крым оставила в памяти молодого врача мало хороших воспоминаний. Вот как описывает тот период первый биограф С.П. Боткина, врач-гуманист Н.А.Белоголовый, учившийся вместе с Сергеем Петровичем в Университете:

"...Больше всего врезался в его памяти тяжёлый и немедленный переезд с беспрестанными задержками в Симферополь в осеннюю распутицу и притом по местности, истощённой огромным передвижением войсковых масс, и потом там на месте царившая неурядица, неизбежная при чрезмерном и поспешном сосредоточении громадного числа больных и раненых в главном пункте. Не придавал он также значения в своём медицинском развитии этой кратковременной деятельности, при которой постоянно лихорадочная и торопливая работа не давала возможности его аналитическому уму спокойно разобраться во всем виденном и проделанном; к тому же занятия хирургией не могли привлечь его к себе по причине глазного его порока, ибо для хирургии требуется ещё более тонкое зрение, чем для внутренних болезней, и он вспоминал, например, об отчаянии, охватывающем его, когда после ампутации он никак не мог разыскать кровоточившие мелкие сосуды, подлежавшие перевязке".

Сам Боткин, описывая впоследствии беспорядки, царившие в военные времена в Крыму, и попытки Н.И. Пирогова влиять на организацию медицинской службы в войсках, отмечал:

"Нужно было иметь энергию Николая Ивановича, чтобы продолжать эту борьбу с лихоимством, начало которого лежало, конечно, не в отдельных личностях, а в целой системе и в нашей общей степени нравственного развития.

...Когда мне в первый раз пришлось подписывать требование в аптеку на бинты, корпию, хинин и др., и когда я заявил удивление перед теми громадными количествами требуемых предметов, фельдшер мне объяснил, что это всегда так делается, потому, что аптекарь всё

И.Н. Крамской.
Портрет доктора Сергея Петровича Боткина. 1880.

равно не отпустит и третьей части назначенного в требовании".

Осень 1955 г. оставила неизгладимый след в памяти Боткина. Полученный им в Крыму врачебный опыт, преумноженный позднее в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., послужил для создания основ отечественной военно-полевой терапии.

В декабре 1955 г. Сергей Боткин возвращается из Симферополя в Москву. Падение севастопольских бастионов определило новую политику России, направленную на расширение связей с Западной Европой для ликвидации невежества, отсталости, приведших к неудачам в Крымской военной кампании. В числе первых мер этой политики было снятие формальностей и значительное снижение оплаты при получении заграничных паспортов.

Боткин, чувствуя острую потребность в глубоких знаниях на высоком европейском уровне, воспользовался этими облегчениями и уже в начале 1856 г. выехал в Германию, в Вюрцбургский университет. Здесь он получил блестящую общемедицинскую подготовку. Учёба у известного патолога Вирхова, а затем у профессоров-клиницистов Гоппе, Реклинггаузена, Траубе, Ромберга, Беренштрунга, Людвига, Оппольцера, Гебры и других не менее знаменитых светил европейской медицины сформировала в нём постоянное стремление к профессиональному самосовершенствованию.

По возвращении в 1861 г. в Россию Боткин утверждается в звании ординарного профессора Медико-хирургической академии. Вся его последующая врачебная и общественная деятельность отличалась неистощимой энергией и волей в преодолении отсталых медицинских взглядов.

Боткин впервые в России вводит клинико-лабораторное обследование, участвует в создании эпидемиологического общества, редактирует в течение 20 лет созданный им "Архив клиники внутренних болезней", активно способствует созданию Женских высших врачебных курсов. В конце XIX века не было в России врача, который бы не знал его имени, не читал знаменитых "Клинических лекций".

В 60-х годах С.П. Боткин обращает внимание врачей и широкой общественности к Ялте, по его определению — "лечебной станции для слабогрудых".

Этот новый российский климатический приморский курорт пульмонологического профиля быстро развивается и завоёвывает популярность. Боткин не-

однократно писал о неповторимом южнобережном воздухе, напоенном ароматами хвойных деревьев, горных трав и цветов, о "блестательном действии морских купаний", о том, как после них он "...мог без утомления не только гулять, но и подниматься на порядочные горы".

К рекомендациям доктора Боткина — непрекаемого медицинского авторитета, прислушивались многие пациенты.

Страдавшая болезнью лёгких императрица Александра Фёдоровна, еще с 1866 г. по совету Боткина начала приезжать в осенние месяцы на отдых в Крым. Зимой 1872 г. Боткин назначается лейб-медиком двора Его Императорского Величества. Эти новые обязанности весной того же года заставили Боткина покинуть на время Санкт-Петербург и сопровождать императрицу в Ливадию, где для неё по проекту петербургского архитектора И.А. Монигетти был построен великолепный Большой Императорский дворец.

В этой летней резиденции Романовых — Большом Ливадийском дворце — вначале сам Сергей Петрович, а затем и его преемники и коллеги — доктор Г.И. Гирш, профессор Л.В. Попов, его сын — приват-доцент Е.С. Боткин и другие выдающиеся врачи наблюдали и лечили бывавших здесь представителей царской фамилии.

Профессор Боткин, как литературно и музыкально одарённый человек, тянулся ко многим выдающимся деятелям литературы и искусства того времени. По воспоминаниям современников, "лучшим отдыхом для него, после утомительной дневной работы, была игра на виолончели. Три раза в неделю в 12 часов ночи к нему приходил профессор консерватории Зейфферт, они засаживались за пюпитры, и играли больше часа, остальные дни он играл под аккомпанемент жены на фортепьяно. По воскресеньям Зейфферт приводил с собой ещё двух музыкантов, и они вместе с Ботки-

ным по 3-4 часа исполняли квартеты классических композиторов".

"Это моя освежающая ванна", любил повторять Боткин. Будучи неутомимым музыкантом, он продолжал брать уроки игры на виолончели до 50-летнего возраста. Даже летом, отправляясь на курорт, он не расставался ни с чемоданом, набитым книгами, ни с виолончелью.

В августе 1976 г. Боткин сопровождал в Крым тяжело больного Н.А. Некрасова. Весь период пребывания в Ялте до конца октября они прожили в гостинице "Россия", Николай Алексеевич в 68-м номере, а Сергей Петрович — в 1-ом. Злокачественная опухоль нижнего отдела кишечника вызывала сильные боли и выраженный общий дискомфорт. Курс лечения крымским виноградом, к сожалению, не оказал ожидаемого очистительного эффекта. И лишь проведенные Боткиным совместно с доктором Головиным ртутные ("меркуриальные") втириания дали отчасти позитивные результаты. Состояние Некрасова несколько улучшилось.

Поэтому доставляло огромное удовольствие любоваться морскими видами из окна своего гостиничного номера.

Он охотно посещал Ореанду, ездил в Гурзуф. Возвращаясь в Москву, при переезде в экипаже из Ялты в Симферополь, Некрасов часто выходил из коляски и по $\frac{1}{4}$ часа шёл пешком, восхищаясь крымскими пейзажами.

Несмотря на тяжелый недуг, поэт закончил в Ялте четвёртую часть поэмы "Кому на Руси жить хорошо" — "Пир — на весь мир", и в знак признательности посвятил её Боткину. Настроениям, царившим в России после крымской войны, посвящено некрасовское стихотворение "Тишина". Многие строки этого произведения перекликаются с впечатлениями Боткина, близко соприкоснувшегося с событиями героической обороны Севастополя:

"...Свершилось! Мёртвые отпеты, живые прекратили плач, окровавленные ланцеты отчистил утомлённый врач..., Свершилось! Рухнула твердыня, войска ушли..., кругом пустыня, Могилы... люди в той стране ещё не верят тишине, но тихо..., в каменные раны заходят сизые туманы, и черноморская волна уныло в берег славы плещет... Над всею Русью тишина, но — не предшественница сна: ей солнце правды в очи блещет, и думу думает она...".

В Ялте Боткин по-настоящему оценил природные красоты Крыма, приведшие его в восторг. Однако, будучи во всем, что касалось медицины предельно объективным, отмечал:

"Но живописность Крыма, прелестный его климат, стоят в неимоверном контрасте с отсутствием всего похожего на комфорт для злополучного путешественника. Как больничная станция он, по моему мнению, имеет большую будущность, лишь бы появились те необходимые удобства, без которых сюда невозможно посыпать больных с кошельком среднего размера. Пока же он доступен или очень богатым или людям, не отравленным европейским комфортом, но со временем займёт свое место значительно выше Монтере, хотя никогда не перегонит Ментоны".

Последние свои дни Боткин прожил во Франции, в наиболее любимом им курортном местечке Ментона на Лазурном берегу, где 12 декабря 1889 г. скончался в возрасте 57 лет и затем был со всеми подобающими почестями похоронен в Санкт-Петербурге.

В Ялте существует немало мест, связанных с именем выдающегося отечественного терапевта.

Бронзовый бюст Боткина (автор — ялтинский скульптор Н.Л. Савицкий) установлен у входа в Массандровский парк на территории Крымского республиканского НИИ имени И.М. Сеченова.

Именем Боткина в Ялте названа одна

из центральных улиц города. Находящаяся на ней аптеку № 26 местные жители издавна называют "Боткинской".

Известна ещё одна страсть Боткина — ходьба пешком. Во время летнего отпуска он "старался совершать большие пешеходные или конные прогулки, а зимой давно поставил себе за правило отпускать с последней консультации экипаж и возвращаться домой пешком. Его каждый день можно было видеть в седьмом часу вечера, быстро идущим по улице своей раскачивающейся походкой с заложенными за спину руками с тростью, всегда с задумчиво опущенной головой и рассеянно отвечающим на поклоны многочисленных знакомых".

В 1901 г., по решению Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба, одна из живописнейших троп ялтинского горного амфитеатра, соединяющая серпантином водопад "Яузлар" и утёс "Ставри-Кая", имеющая удивительно ровный и постоянный подъём, получила название "Боткинская тропа". Являясь идеальным терренкуром для тренировки легочной и сердечной систем, этот маршрут широко популярен среди гостей курорта Palmira Palace — любителей горных экскурсий.

Врачебные традиции профессора С.П. Боткина продолжил один из его двенадцати детей — приват-доцент Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии Евгений Сергеевич Боткин. Повторяя врачебную судьбу отца, он верой и правдой служил своему Отечеству. Будучи в 1908—1917 гг. лейб-медиком императора Николая II, Е.С. Боткин неоднократно приезжал в Крым, в Ливадию, постоянно сопровождая царскую фамилию, вплоть до трагических событий в Ипатьевском доме в Екатеринбурге.

Но это уже совсем другая история семьи Боткиных...

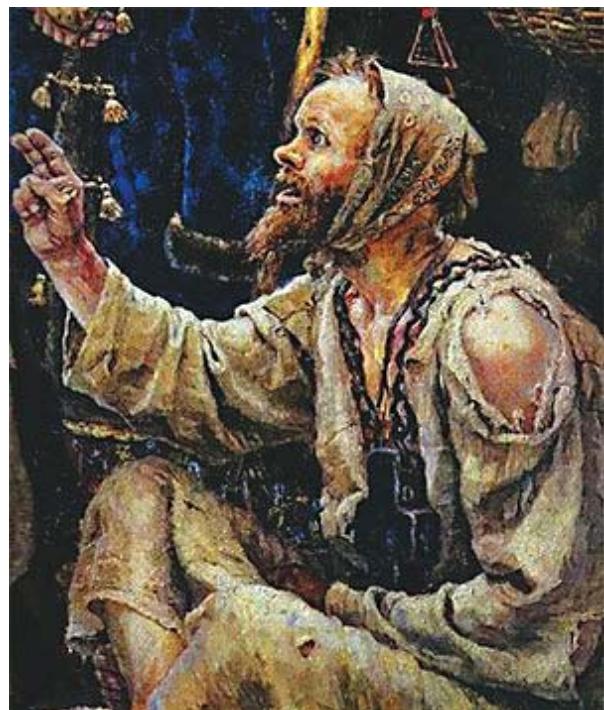
СВЯТЫЕ

ЮРОДИВЫЕ

Сергей МАЗАЕВ

Один из самых известных университетских профессоров, читая свои лекции по богословию, не без иронии замечал, что такие понятия, как "грех" или "бес", вызывают смущение образованной публики, — так что напрямую, без культурологических оговорок, использовать их в серьезном разговоре с интеллигентными людьми практически невозможно. И рассказывал следующий анекдот: некий миссионер, выступая с проповедью в техническом ВУЗе, вынужден был отвечать на вопрос о том, как у человека впервые появляется мысль о преступлении. Пытаясь говорить с аудиторией на ее языке, он сформулировал такую фразу: "Мысль о преступлении человеку телепатически транслирует трансцендентально-ноумenalное тоталитарно-персонализированное космическое зло". Тут из-под кафедры высовывается голова изумленного беса: "Как ты меня назвал?"

Дело в том, что истина не боится спора. Истину нельзя уничтожить. Поэтому мир придумал эффективный способ ее утилизировать — как некий опасный радиоактивный материал, который запаивают в непроницаемый свинцовый контейнер и закапывают на отдаленном пустыре. Сначала истины, добытые великими умами в мучительной борьбе, становятся привычными и обыденными. То, что было долгожданным трофеем для отцов, становится игрушкой для детей, наподобие дедовых медалей и орденских планок. Люди привыкают относиться к истинам как к чему-то само собою разумеющемуся. Затем привычное становится банальным и от него пытаются отделаться посредством цинизма, иронии и кавычек. "Нет, брат, это все

*В.И. Суриков. "Юродивый".
Фрагмент картины "Боярыня Морозова"*

распущенность, пустота! — говорит Тургеневский Базаров. — И что за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаем, какие это отношения. Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизм, чепуха, гниль, художество". В конечном итоге осмеянная и окарикатуренная истина под видом фольклора вообще выводится из дискурсивного поля. Добро и зло начинают ассоциироваться исключительно с "избушкой на куриных ножках", а такие вещи как подвиг и предательство без кавычек сохраняются разве что в детском обиходе — наравне с "баба-ем" и "доброй феей".

"Христиане верят, что Иисус из Назарета, якобы одним словом исцелявший больных и якобы воскрешавший мертвых, якобы и Сам воскрес на третий день пос-

ле смерти". Только так, в смирительной рубашке кавычек, в окружении слов-санитаров евангельская Истина и может войти в "просвещенное" собрание светских людей.

Горделивый ум оказывается неспособен сделать Истину даже предметом критики. "Что есть истина?" — иронически вопрошают иудейский прокуратор и, не дожидаясь ответа, проходит мимо Того, Кто Сам есть Истина и Жизнь.

Этот процесс чутко отображает литература. В предисловии к сборнику "Русские цветы зла" Виктор Ерофеев прослеживает пути отечественной литературной традиции, отмечая, что в новый и новейший период "разрушилась хорошо охранявшаяся в классической литературе стена... между положительными и отрицательными героями... Любое чувство, не тронутое злом, ставится под сомнение. Идет заигрывание со злом, многие ведущие писатели либо заглядывают на зло, завороженные его силой и художественностью, либо становятся его заложниками... Красота сменяется выразительными картинами безобразия. Развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к "грязному" слову, мату как детонатору текста. Новая литература колеблется между "черным" отчаянием и вполне циничным равнодушием. Сегодня мы наблюдаем вполне закономерный итог: онтологический рынок зла затоваривается, бокал до краев наполнился черной жидкостью. Что дальше?"

Ответ на поставленный вопрос можно найти в истории, знающей немало подобных ситуаций. Дошедший до патового состояния декаданс может быть преодолен посредством нарочитого безумия. Юродивый, или, по красивому поэтическому выражению Натальи Ростовой, "человек обратной перспективы", ломает извратившийся мир эпатирующим жестом, подвергая поруганию "священные" символы ложной культуры и удивляя людей той серьезностью,

с которой он говорит о "сказочных" вещах, срываю с них привычные кавычки. Блаженный берется за дело там, где человечность воспринимается как слабость, а хамство считается проявлением силы характера; где священники названы "паразитами общества", а героями дня становятся спортсмены, клоуны и кулинары — словом, там, где культура перестает взращивать человека и, наоборот, начинает его губить потому, что добро и зло в ней поменялись местами.

"Не подниму руки на брата моего" — говорили великие русские святые Борис и Глеб. В культуре феодальной раздробленности "брать" — синоним слову "конкурент". Это тот, из-за кого у тебя меньше земли и власти. Убить брата — все равно, что победить конкурента, — дело достойное настоящего князя, свидетельство его сверхчеловеческой натуры и привычный образ мужества. Святые слова Бориса, впервые прозвучав в русской культуре, несомненно, казались загадочным бредом юродивого.

Юродство принято считать специфической формой христианской святости. Однако к этому средству возвращения истин из "культурного архива" часто прибегали еще древнегреческие философы. Антисфен посоветовал афинянам принять постановление: "Считать ослов конями". Когда это сочли нелепостью, он заметил: "Ведь вы простым голосованием делаете из невежественных людей — полководцев. Когда его однажды хвалили дурные люди, он сказал: "Боюсь, не сделал ли я чего дурного?"

Когда один развратный чиновник написал у себя на дверях: "Да не внидет сюда ничто дурное", Диоген спросил: "А как же войти в дом самому хозяину?" Некоторое время спустя, он заметил на том же доме табличку: "Продаётся". "Я так и знал, — заявил философ, — что после стольких попоек ему будет нетрудно изрыгнуть своего владельца".

Сим, казначей тирана Дионисия, был отвратительным человеком. Однажды он с гордостью показывал Аристиппу свой новый дом. Оглядев пышные комнаты с мозаичными полами, Аристипп откашлялся и сплюнул в лицо хозяину, а в ответ на его ярость сказал: "Нигде не было более подходящего места".

Юродство, помимо прочего, делает человека маргиналом и потому способно быть весьма действенным лекарством против тщеславия. Ложная честь побуждает нас казаться перед людьми лучше, чем мы есть. Именно поэтому рассказать о своем грехе на исповеди оказывается труднее, чем его совершить. В этом слу-

чае нам может помочь пример мудрецов и святых, исполнивших слова Христа: "Когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место. Но когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: друг! пересядь выше; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою, ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится".

Православие.ru

ВОПРОСЫ СВЯЩЕННИКУ

Правда ли что, если Господь желает наказать человека, то отнимает разум (человек становится умалишенным или душевнобольным). Моей матери врачи поставили диагноз — шизофрения. Как человеку жить с таким диагнозом? Что нам (родным) делать?

Елена

Приведенная в письме мысль относится к области эллинской языческой мудрости. Впервые она встречается в дошедшем до нас фрагменте трагедии неизвестного древнегреческого автора: "Когда Божество готовит человеку несчастье, то прежде всего отнимает у него ум, которым он рассуждает". Имеется латинский вариант: "Quos Deus perdere vult dementat prius" (Кого Бог хочет погубить, того он сначала лишает разума).

Правильно понять мысль, содержащуюся в этом афоризме, помогают сло-

ва неизвестного греческого поэта, которые приводит афинский оратор Ликур (390-324 гг. до Р.Х.) в речи против Лепократа: "Когда гнев богов постигает человека, то прежде всего божество отнимает у него здравый смысл и дает превратное направление его мыслям, чтобы он не сознавал своих ошибок". Как видим, нет никаких оснований к любой душевной и умственной болезни применять данное изречение. Наказание заключается не в самом факте лишения разума, а том, что, лишившись разума, человек может сделать какой-нибудь неверный шаг, ведущий его к гибели.

Простое противопоставление людей на разумных и на лишенных разума, характерное для языческой философии, полностью преодолено в христианстве. Богооткровенная новозаветная религия мерилом всего ставит не разум, а святость, которая доступна всем: больным и здоровым, разумным и немудрым. Свя-

щенное Писание ясно и определенно различает состояние отсутствие (или ослабление) разума как болезнь и безумие как слепое и безрассудное отрицание Бога. Текст 13-го и 52-го псалмов убеждает, что Слово Божие безумие отождествляется с безбожием: Рече безумен в сердце своем: несть Бог (Пс. 52). Такое состояние, в котором живет большинство людей, является по-настоящему трагичным.

Душевная или умственная болезнь, постигшая человека, живущего с верой, — не трагедия, а крест. Особенно тяжел он для самых близких ему людей. Нужно отнестись к этому с полным доверием к Божественной воле, непоколебимо веря, что она ведет ко спасению, как самого больного, так и родных, которые проявляют деятельную христианскую любовь. От нас скрыто в Премудрости Божией то, что ведомо только Господу. Родственники должны осознать, что болезнь близкого им человека является испытанием их христианских добродетелей и духовной школою, без которой трудно спастись.

Необходимо такого человека регулярно причащать, водить в храм, помогать ему в молитвенной жизни. Господь же да управит сердца ваши в любовь Божию и в терпение Христово (2 Фес. 3, 5).

Если болезнь — это наказание человеку от Бога за его грехи и шанс человеку задуматься о своей неправедной жизни, то не является попытка вылечиться (лекарства, операции, другие виды лечения) противостоянием Богу?

Для верующего истинным Врачом души и тела является Бог: Я Господь, целитель твой (Исх. 15, 26). Поэтому мудрый Иисус сын Сираха наставляет: Сын мой! В болезни твоей не будь небрежен,

но молись Господу, и Он исцелит тебя. Оставь греховную жизнь и исправь руки твои, и от всякого греха очисти сердце (Сир. 39, 9-10). Призывая устраниТЬ главную причину болезней — грехи, он вместе с тем советует обратиться и к врачу: и дай место врачу, ибо и его создал Господь, и да не удаляется он от тебя, ибо он нужен (Сир. 39, 12).

В святой Библии мы встречаем немало сведений о древней медицине. Для смягчения раны использовалось масло, для дезинфекции — вино (Лк. 10, 34). Очищенные раны перевязывались (Ис. 1, 6; 30, 26). Практиковалось также лечение мазями и бальзамом (Иер. 8, 22; 46, 11; 51, 8). В священных библейских текстах упоминается также глазная мазь (Откр. 3, 18). При переломе костей делались специальные повязки (Иез. 30, 21). Из медицинских средств упоминаются пластыри из смокв при нарывах (Ис. 38, 21) и плоды мандрагоры (мандрагоровые яблоки), которые должны были помогать от бесплодия (Быт. 30, 14). В Иез. 47, 12 в качестве лекарства названы листья. Вино употреблялось как укрепляющее средство для желудка (1Тим. 5, 23); смешанное со смиrnой, оно использовалось для обезболивания (Мк. 15, 23).

О пользе врачей писали и святые отцы. "Как не должно вовсе бегать врачебного искусства, так не сообразно полагать в нем всю свою надежду. Но как пользуемся искусством земледелия, а плодов просим у Господа, или вверяем кормило кормчemu, а молим Бога, чтобы спас нас от потопления, так, вводя к себе врача, когда позволяет это разум, не отступаемся от упования на Бога" (святитель Василий Великий).

Отвечает иеромонах Иов (Гумеров)

православие.ru

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ, ДОКТОР!

Протоиерей Александр БАЙ,
настоятель храма св. праведного
Феодора Ушакова, г. Севастополь

Валерий Васильевич недолюбливал этот день: беспокойство, на работе "поляну" накрывать. Ему, конечно, не жалко, но суeta раздражала.

— Валерий, здесь картошка, здесь котлеты, огурчики не забудь, — говорила ему жена.

— Валя, сколько можно! Каждый год одно и то же, я на работу опаздываю!

— Таня, помоги отцу с сумками!

Дочь Валерия, Татьяна, симпатичная стройная брюнетка в спортивном костюме, немедленно подхватила две небольшие сумки.

— Таня, доченька, быстрей! Ехать пора!

— Папа, ты всегда спешишь, но никогда не опаздываешь, успеешь!

Действительно, Валерий Васильевич Громов был пунктуальным и к работе относился очень серьезно. Он был хирургом одной из больниц Днепропетровска. В свое время закончил Одесский медицинский университет, защитил диссертацию по нейрохирургии и травматологии.

Много лет Громов был женат на Валентине Павловне, вырастили двоих детей. Старший сын Василий учится в Симферопольском медицинском университете, а дочь Танюша — студентка юридического факультета.

Что и говорить, любили его и как человека и как врача. Было в нём что-то

"не от мира сего". Младшим коллегам он был опорой и учителем, с вышестоящим начальством умел обходить острые углы. Но самое главное — он был очень чутким к человеческому горю. После множества удачно проведенных операций скрыть талант хирурга было невозможно. Валерия Васильевича называли доктором Айболитом. Сходство, действительно, имелось: очки, усики, только он был не худой, как в мультильме, а крепкий, упитанный, с небольшим брюшком.

Он уже разворачивал свою новеньющую "Ниву Шевроле", когда из подъезда выбежала жена. В одной руке она держала бутылку водки, в другой — шампанское.

— Валера! Ты же забыл главное!

Валерий Васильевич нервно нажал на тормоз.

— Клади скорей, заноза ты моя!

— Всё, всё, любимый, ждём тебя вечером!

В зеркале был виден силуэт красивой женщины, одетой в домашний халат, которая махала мужу рукой.

На свою жизнь в нашей любимой, но нестабильной стране, Валерий Васильевич не жаловался. Жил с семьёй в трёхкомнатной квартире, была своя дача. Зарплата, что и говорить, небольшая, но люди, которые были благодарны ему, всегда вместе с коньяком и конфетами оставляли в пакете конверт с деньгами, каждый по своим возможностям. Называйте это как хотите, взяткой, грехом или другими словами, но эти подношения и личные связи позволяли ему кормить семью и учить детей. Но главное — он создал в своей больнице фонд, где люди, нуждающиеся в лекарствах, или не имевшие возможности оплатить операцию, получали бесплатную медицинскую помощь.

Как и все врачи, он был заложником той медицины, которая есть сейчас по всей стране со своими большими недостатками и маленькими плюсами.

Валерий Васильевич не был потомственным врачом. Правда, его дед был врачом-терапевтом. Внук деда перенял и стал хирургом. Отец Валерия Васильевича был председателем колхоза имени Ватутина на Херсонщине.

Отец с матерью, слава Богу, живы и здоровы, гордятся двумя дочерьми. Старшая, Зинаида, живёт в Киеве, младшая, Людмила — москвичка. Обе преподают в университетах, удачно вышли замуж. Но сыном Валерием они гордились особенно: "Наш сын — хирург!".

Как ни парадоксально звучит, но человек этой профессии должен быть немного циником, не допускать излишних "душевных трепыханий". При серьез-

ных черепных травмах или удалении опухолей в мозгу необходима уверенность и определенная жесткость. Валерий Васильевич не был на войне, но он воевал на жизненном фронте, где есть раненые и убитые. Кто-то упал с четвертого этажа, кого-то привезли после автокатастрофы, кому-то проломили голову в уличной драке. А в больнице, как в военном госпитале, хирург со скальпелем в руках борется со смертью. Бывает, он вытаскивает человека с того света, а бывает, констатирует летальный исход.

Когда наш доктор был молодым, он с острой душевной болью сообщал горько плачущим родственникам об уходе из жизни их родного человека. Он не оправдывался, но часто после таких случаев говорил коллегам простые, но понятные им слова.

— Я же не всемогущий Бог, я всего лишь хирург.

Став опытней с годами, в таких случаях теперь он просто молчал. Сочувствие и сострадание были спрятаны глубоко внутри, эти чувства он в себе подавлял. Чтобы спасти человеческую жизнь и принести радость родным больного, он просто добросовестно делал всё, чему учился.

Мобильник не смолкал. Валерий Васильевич, не теряя контроля над движением, нашупав его в кармане и быстро выключил.

— Как вы все мне дороги! Тяжело, что ли, поздравить после рабочего дня? Ведь знаете, что в этот день я выходной не беру.

Но раздражительность быстро прошла, он думал о хорошем: скоро выходные, намечалась поездка на дачу. Он мечтал о том, как пойдёт на рыбалку, окунется в речку, покопается в огороде, а потом сделает шашлычок... Погода

была чудесной, первый месяц лета, благодать, одним словом. Прошлые дни рождения проходили неплохо, словно сама судьба делала этот день спокойным. Валерий Васильевич и сегодня очень надеялся на это.

К больнице подъехал вовремя, поставил машину на стоянку. Угощение оставил в машине, подумав о том, что даст позже охраннику Паше ключи и тот принесёт всё сам. Хороший, исполнительный парень этот охранник Паша. Служил в армии, поступил в институт на юридический факультет, работал, на шее у родителей не сидел.

— Добрый день, Валерий Васильевич! С днём рождения!

— Спасибо, Паша!

Он попросил охранника принести сумки из машины в кабинет и направился к рабочему месту. В коридоре царил знакомый больничный запах. У приемного покоя за столом сидела медсестра.

— Надя, доброе утро! Устала, спать хочешь?

— Доброе утро, Валерий Васильевич! Нет, всё хорошо, скоро смена придёт, — улыбнувшись, ответила медсестра.

— Как прошло дежурство?

— Спокойно, слава Богу!

Валерий Васильевич поднялся в отделение хирургии. Дежурный врач Лев Константинович Соболев радостно встретил коллегу и крепко пожал ему руку:

— Здравствуй, именинник! Как дела?

— Всё отлично, сегодня ждём тебя с женой на ужин!

— Обязательно буду!

— Как здесь обстановка?

— Всё хорошо! Операция на сегодня одна, назначена на тринадцать часов, делать будет Попов. Ты — дежурный нейрохирург, а так всё отлично. Своих больных я обошёл, твои больные тебя дожидаются.

Немного пообщавшись, облачившись в белоснежный медицинский халат и шапочку, наш хирург уже сидел в своём кабинете, готовясь к обходу. Жизнь в больнице оживилась, начинался новый рабочий день. Как обычно прошло совещание у главного врача Аркадия Борисовича Степанова, потом — обход больных.

Обход прошел удачно и принёс нашему хирургу подъём настроения и улыбку. Заслужить любовь людей просто и в то же время тяжело. Громов никогда не делил людей на нужных и ненужных, богатых и бедных. Он всегда помнил, что все люди смертны, что жизнь коротка, и старался всех понимать и любить. И больные, чувствуя это, также платили ему любовью.

Операционная нейрохирургии сияла идеальной чистотой. Осветительная лампа была направлена на операционный стол, хирургические инструменты лежали на отдельном столе в специальных железных ящичках. Эти инструменты непривычному человеку покажутся орудиями пыток: коловороты, кусачки, штапеля... Просто жутко! Однако наш хирург использовал эти "страшные" инструменты для спасения человеческой жизни.

Время шло к обеду. Медсестра Валентина Васильевна Волкова накрывала на стол. К тому, что принес Валерий Васильевич, она добавила праздничный торт, который каждый год пекла собственноручно: ведь столько лет проработала бок о бок с хирургом! Валентина Васильевна давно уже стала другом семьи и была в числе приглашённых гостей на домашнее застолье. Коллеги из всех отделений больницы пришли поздравить именинника, обнимали, дарили подарки, желали счастья. Но главный подарок, дарованный судьбой, на-

ходился недалеко от больницы... Он лежал без сознания в машине скорой помощи, около него сидела и рыдала мать. Разбитая голова, окровавленная футболка — следствие столкновения мотоциклиста с автомобилем.

После тёплых слов и поздравлений именинник готов был поднять бокал, но по глазам вошедшего молодого ассистента понял, что застолья не будет и предстоит операция:

— Валерий Васильевич, простите, у нас беда, пациент очень тяжёлый, черепно-мозговая травма.

Присутствующие поняли, что праздновать им придется без виновника торжества. И речи не могло быть, что будет оперировать кто-то другой. После быстрого обследования и консилиума заведующий сразу сказал Валерию Васильевичу:

— Готовься, именинник! День рождения есть день рождения, а жизнь человека есть жизнь человека.

— Я понял, разрешите приступать!

— Не медли, дорогой! Сам понимаешь, ситуация критическая, может не выкарабкаться. Сделай всё, что сможешь, как врач, остальное оставь Богу.

Подготовились к операции стремительно. Травма была серьезной — пришлось удалять осколки черепа, большая кровопотеря угрожала жизни пострадавшего. Валерий Васильевич молил Бога не обрывать молодую жизнь. Наконец-то продолжительная операция завершилась, сделали переливание крови. Теперь оставалось ждать, когда время покажет результаты хирургического вмешательства.

В своём кабинете доктор быстро вымыл лицо над раковиной, тяжело дыша, смотрел на себя в зеркало, потом сел на диван и поцеловал иконку Святителя Луки, подаренную сыном. Для него самым тяжелым было сообщать близ-

ким людям об исходе операции. И вот этот момент приближался.

Без стука в кабинет вошел молодой хирург:

— Валерий Васильевич! Еще раз с днём рождения! Пациент пришёл в себя, всё отлично! Поверьте, жить будет!

Ответ был краток:

— Слава Богу!

Мать разбившегося парня сидела в коридоре, плакала и молилась вслух, никого не стесняясь. Увидев врача, она быстро поднялась, с надеждой смотря в глаза доктора. Испытывать её наш герой не стал:

— Ну что, будет теперь ездить на маршрутке или на такси? Так безопасней будет!

— Живой сын, слава Богу, живой!

Она радовалась и крепко обнимала Валерия Васильевича, а по её щекам ещё сильнее бежали слёзы.

Коллеги еще раз поздравили именинника, и вот он уже с подарками ехал домой, где его ждали родные. Приняв душ, он с наслаждением уместился на диване.

— Да, ну и денёк сегодня выдался! — произнёс Васильевич, а сам радовался, что человек будет жить, и операция прошла успешно.

Гостей было много. Непринуждённая обстановка и гостеприимство хозяев позволяли им отдохнуть и расслабиться. Коллеги и друзья вспоминали разные случаи из жизни и врачебной практики. Рассказал свой случай и наш именинник. Все согласились, что без помощи Божией очень тяжело и с интересом узнали о святом хирурге Луке Войно-Ясенецком.

— Сын подарил мне книгу и иконку. Так я узнал о небесном покровителе своей профессии. Да и поверьте, что с молитвой легче.

Следующие дни были выходными, хирург провёл два дня на даче, вернулся на третий. Завтра надо было идти на работу.

Вечером позвонил сын из Симферополя. Валерий Васильевич сказал ему, чтобы он чаще посещал моги святого хирурга, находящиеся в Симферополе в Троицком женском монастыре и просил у него помочь.

— Отец, летом сам будешь в Крыму и зайдёшь. Я посещаю часто, время находим с сокурсниками.

Утром, в рабочий день, как обычно, все собираются по своим делам. Глава семейства — на работу в больницу, дочка — на учёбу. Дома оставалась хозяйка Валентина Павловна. Дочь ушла первой. Настало время уезжать Васильевичу.

— Езжай, дорогой, с Богом!

Он уже начал выезжать со двора, как опять увидел в зеркале свою жену в халате, в руках — какой-то чёрный пакет.

— Валерочка, бутерброды забыл!

— Я опаздываю, зазнобушка, ну сколько можно!

— Времени ещё полно, а бутерброды взять надо обязательно.

Он улыбнулся жене, понимая, что никуда не опаздывает, у него всегда есть запас времени.

В своём кабинете быстро переодел-

ся, готовясь к обходу. Вдруг в дверь постучали, и вошла медсестра.

— Валерий Васильевич, к вам посетитель.

— Валечка, у меня обход, ты же знаешь!

— На одну минуточку! Это не займёт много времени.

В кабинет вошла уже знакомая женщина — мать молодого человека, которого он недавно.

— Доктор, спасибо вам! Недаром говорят, что у вас руки золотые!

— Да ладно вам, это моя работа, долг, понимаете!

— Всё равно, доктор, дай вам Бог здоровья. Сын идёт на поправку.

— Знаю, я слежу за его состоянием.

— Я здесь принесла вам кое-что, вот возьмите!

— Спасибо большое, не стоит!

— Возьмите, пожалуйста, это для вас очень нужно, пусть она помогает вам во всём!

Посетительница ушла, а Валерий Васильевич, не выдержал и с интересом открыл пакет, гадая, что же там такое, что может помочь в работе хирурга. С удивлением долго смотрел на прекрасную писаную икону Святителя Луки, хирурга и епископа, и с умилением целуя икону, понимал, что всё не так уж просто в этой жизни.

Компьютерная верстка — Малкова И.Е.
Ответственная за выпуск — Ясельская Л.А.

Сдано в набор 04.08.2012. Сдано в печать 22.08.2012.
Формат 60 x 84 $\frac{1}{8}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,37.
Зак. № 496. Тираж 500 экземпляров.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика в ООО «Форма».